Ты создана для этого

Автор:
Мишель Сакс

Ты создана для этого

Мишель Сакс

Молодая семья, идеальный быт, идеальные отношения. Сэм – идеал мужчины и мужа. Мерри – прекрасная мать и хозяйка. И восьмимесячный малыш Конор, ангелочек. Сейчас они живут в Швеции, в доме с цветущим садом… Мерри приглашает подругу детства по имени Фрэнк погостить у них какое-то время. Постепенно Сэм начинает проявлять к ней повышенное внимание, и это пугает молодую супругу. А вот Фрэнк замечает кое-что странное в отношении Мерри к сыну… С каждым новым днем, проведенным в семье, Фрэнк убеждается, что все, что она видит – иллюзия, маски, за которыми скрываются настоящие лица: жестокие, деспотичные и кошмарные. Но иногда лучше не знать чужих тайн…

Мишель Сакс

Ты создана для этого

Роман

Michelle Sacks

You Were Made for This

© Michelle Sacks, 2018

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

Все персонажи и события в этой книге вымышлены. Любое сходство с реальными лицами, живыми или умершими, является случайным и не задумывалось автором преднамеренно.

Моей матери, Аврил

Будьте всегда очень осторожны в сумрачных шведских лесах – в этих чащах обитает множество темных-претемных существ. Ведьмы, оборотни и злые-презлые тролли. Остерегайтесь троллей! Они обычно похищают человеческих детей, чтобы воспитать их как своих собственных. О да, остерегайтесь троллей, вы не сможете заметить, как они к вам подбираются. Они очень хорошо маскируются.

Оса Линдквист. Мстительный тролль

Мерри

Если бы ты нас увидела, тебе, наверно, просто стало бы тошно! Мы выглядим как актеры в рекламе процветающей страховой компании, – такие же сияющие, счастливые. Прямо образцовая маленькая семейка, живущая безупречно благополучной, счастливой жизнью.

«Правда, отличный был денек?» – спрашиваем мы обычно, подытоживая безмятежно проведенные дни. Этакое заверение, этакое обнадеживание, своего рода гарантия, что все остальные дни будут ничуть не хуже. Но здесь, в Швеции, таких «отличных» деньков просто не счесть!

Тут так красиво, особенно сейчас, в середине лета – яркие краски, танцующий свет, нежное ласковое солнце. Красный деревянный домик, в котором мы живем, будто сошел со страниц детской книжки с картинками, – стоит себе в лесу среди деревьев, в цветущем саду. Обилие ярких красок здесь просто возбуждает: грядки овощей с сочными зелеными листьями, кусты, отяжелевшие зреющими на солнце летними ягодами; повсюду витает сладкий, пьянящий аромат цветов, и жужжат пчелы, которых привлекает все это великолепие. Летние вечера тихи и бесконечны – темнеет гораздо позже десяти. Бескрайнее озеро безмолвно и спокойно, его зеркало бледно-бледно голубое – наиболее светлого оттенка синего диапазона. Покой и благодать – только пение птиц да шелест листвы на ветвях.

* * *

Наша жизнь течет чередом: не слышно шума машин за окнами, не чувствуется уличной вони, не мешают ни соседи сверху своей оглушительной музыкой, ни соседи снизу воплями и нескончаемым нытьем. Тут нет ни мусора на тротуарах, ни гниющих отходов, как на манхэттенских свалках, ни потных работяг в метро, ни туристов – вообще никаких толп. Здесь не нужно каждый день отбиваться от крыс или тараканов, и здесь ты не сталкиваешься с какими-то извращенцами или уличными проповедниками. Нет ничего, кроме этой безоблачной жизни, неизъяснимой легкости и надежд. Только Сэм, я и наш малыш на этом островке для нас троих.

Как обычно, я уложила ребенка спать и пошла на кухню что-нибудь испечь. Сегодня у нас пирог с черникой, которую мы собрали в лесу в прошлые выходные. Я замесила тесто, раскатала корж, проколола вилкой и отправила в духовку запекаться до образования хрустящей корочки. Солнце уже вовсю лилось в большие распахнутые окна, его лучи расчерчивали полы нашего славного домика. Я варила спелые ягоды на медленном огне, добавив кленового сиропа и корицы, помешивала, чтобы они не пригорели и не испортилась начинка. Сэм в своей студии учуял запах выпечки со сладким фруктовым ароматом и вышел на кухню посмотреть, что я приготовила. Глянул на меня – и расплылся в широкой улыбке.

– Вот видишь, – сказал он, – я всегда тебе говорил, что ты просто создана для этого!

Пирог удался; мы ели его еще теплым, прихлебывали кофе из больших кружек, сидя под ласковым полуденным солнцем в саду. Малыш попробовал ложечку начинки – и она тут же полезла у него изо рта, как будто миниатюрный клерк в задумчивости разгрыз синий фломастер. Сэм рассмеялся и собрал ложкой темную кашицу с детского подбородка.

– Ты самый лучший ребенок на свете, – воскликнул он.

Затем подхватил его на руки и стал подбрасывать. Малыш смеялся, визжал, разбрызгивая остатки начинки. Я наблюдала за своими мужчинами. Мальчишки! Мои мальчишки. Отец и сын. Я улыбнулась, чувствуя кожей тепло солнечных лучей.

Чуть дальше по грунтовой дороге, соединяющей дома на территории природного парка, один из соседей построил загон, где содержались призовые кобылы со своими жеребятами. Жеребята, появившиеся на свет этой весной, пошатываясь, ступают на своих тоненьких слабеньких ножках, жадно изучая окружающий мир; кобылы осторожно подталкивают их мордами, мягко подбадривая своих малышей. Кобылы – превосходные матери. Терпеливые, заботливые. Они готовы яростно защищать свое потомство, как того требует природа.

Мы с Сэмом повели ребенка в поле, посмотреть на них.

– Лошадка, – сказал Сэм, ткнув пальцем в сторону животного. – И-го-го!

Сын закатился восторженным смехом. Я протянула руку к стоящей у забора каштаново-рыжей кобыле и почувствовала, как под моими пальцами перекатываются мощные тугие мышцы. Она была прекрасна. Сильное, уверенное в себе животное. Черные глаза горели огнем.

– Осторожно, – предупредил Сэм. – Молодые матери могут быть опасны.

Мы оставили лошадей и медленно вернулись к дому. Уже около года это – наш дом. Он находится в сорока пяти минутах езды от Стокгольма, в природном заповеднике на окраине Сигтуны, самого старого города Швеции. Этот природный парк занимает довольно большой участок на берегу озера Меларен, его территория покрыта в основном полями и лесами. Лишь кое-где меж сосен

разбросаны редкие домики. Многие из домов столетиями принадлежали разным поколениям одной семьи. Старые красные деревянные хижины, которые в течение этих лет достраивали и реконструировали по многу раз. Эти стены повидали немало на своем веку и стали свидетелями многих рождений и смертей.

* * *

Сэм унаследовал дом от второй жены своего деда, Иды, которая родилась и выросла здесь. У нее не было своих детей, и она питала слабость к Сэму, который уже ребенком знал, как очаровать ее, как похвалить ее розарий, или пряное печенье, или мягкий шведский акцент, из-за которого ее речь звучала как песня. Когда несколько лет назад Ида умерла, оказалось, что она оставила ему этот дом, с условием, что его нельзя продавать, но можно передавать по наследству.

До прошлого года мы никогда не приезжали сюда и никогда не вспоминали ни о доме, ни вообще о Швеции. Единственной связью с этой страной была, пожалуй, та красная игрушечная далекарлийская лошадка, национальный символ Шведского королевства, которую Ида привезла нам в подарок во время своего приезда в Нью-Йорк. Игрушка стояла на подставочке для специй в нашей бруклинской квартире, рядом с мельницей для перца и нераспечатанной баночкой шафрана, которую я выторговала на ночном рынке в Марракеше.

Конечно, переезд сюда был идеей Сэма.

Все хорошие идеи принадлежат ему, как он любит шутить.

Он сказал, что ему хочется пожить в сказке. Что здесь мы будем еще счастливее, чем прежде.

Он был прав. Как всегда. Он всегда ведет нас в правильном направлении, как компас, который помогает мне избегать бурь. Мне очень повезло, что у меня есть Сэм.

Ближе к вечеру мы втроем долго гуляли по лесу, уютно усадив ребенка в специальный эрго-рюкзак. Гуляя, мы называли деревья и птиц, которых

научились отличать за этот год, – ель, гнездо вьюрков, ясень обыкновенный. Это наше новое увлечение, хобби, которое мы тут приобрели. Иногда мы смеемся сами над собой, представляя, какими были раньше.

В Сигтуне мы зашли в кафе у причала перекусить жирной селедкой в ржаных сухарях и картофельным салатом. Мы сидели и слушали крики чаек и плеск воды, гипнотически переплетающихся с тихим говором хорошо одетых шведов. Официантка потрепала нашего малыша по щечке и на безупречном английском приняла наш заказ. «Спасибо, – поблагодарили мы на шведском. – Спасибо».

Вернувшись домой, я искупала сынишку и стала укачивать его на руках, пока он не уснул. Я уткнулась носом в его шейку, провела пальцами по его мягким, как пух, золотистым волосикам, которые потихоньку начинали густеть. Дотронувшись рукой до груди, я почувствовала стук его сердца, размеренный и удивительный. Тук, тук – эхо моей жизни. Мы с Сэмом, уставшие от долгой прогулки на свежем воздухе, скользнули под хрустящие простыни еще до того, как окончательно стемнело. Я свернулась клубочком в объятиях мужа и задумчиво переводила взгляд с его мужественного лица на темные глаза и решительный твердый подбородок, а затем на его грудь, мощную, словно закованную в доспехи. Настоящий мужчина. Сильный мужчина, который способен нести тебя по жизни на руках – и оно так и складывается.

– Отличный был денек, правда? – сказала я с довольным вздохом.

Сэм поцеловал меня в лоб и закрыл глаза. Я пошевелила рукой, собираясь повернуться на живот.

– Нет, – сказал он, – лежи так.

Да, все так, как и говорил Сэм. Сказочная жизнь в лесу.

Сэм

Сегодня исполняется год с тех пор, как мы переехали в Швецию. Трудно поверить. Целый год! Новая страна, новый дом, новорожденный ребенок… Новая

жизнь. Наверняка лучше прежней. Чтобы отпраздновать это событие, я приехал с деловой встречи в Стокгольме пораньше, привез букет свежих весенних цветов и бутылку вина. В сувенирной лавке в старом городе я нашел для Конора вязаный шлем Viking.

Мерри была на кухне. Темные длинные волосы связаны в узел на макушке, на талии – передник. Она улыбнулась, увидев меня.

– Красивые, – сказала она.

– Как и моя жена, – ответил я.

Знаю, ей нравится, когда я ее называю женой. Она порывисто обняла меня, и я с удовольствием вдохнул ее запах; духи и что-то недавно жаренное.

– Со шведской годовщиной тебя, – шепнула она. – Смотри, я приготовила шведские фрикадельки, чтобы отпраздновать.

– А где мой мальчик? – спросил я и пошел к Конору. Он был в гостиной, на коврике для игр, лежал на спинке и пытался дотянуться до лягушки, которая висела на зеленой пластмассовой перекладине. Что за ребенок! Я не перестаю удивляться. Уже восемь месяцев. Он растет не по дням, а по часам. И постоянно меняется, постоянно в движении.

– Ну, как поживает мой чемпион сегодня? – спросил я, укладываясь на пол рядом с ним.

Он улыбнулся мне – и от этой улыбки у меня сердце затрепетало: эти розовые беззубые десны, и эта чистая, незамутненная любовь. Я уткнулся лицом в живот крохи, вдохнул запах присыпки и детского крема.

Потом натянул новый шлем на его головку и поднял малыша на руки, чтобы показать Мерри. Две светлые косички свисали по обе стороны шлема. Конор схватил одну из них и сунул в рот.

– Отлично, – рассмеялась Мерри, – теперь он готов возглавить вторжение.

Она так счастлива здесь. Беззаботна и счастлива. Мне нравится видеть ее такой. Я всегда хотел для нее именно такой жизни. Для нас.

Я передал ребенка ей, чтобы пойти умыться перед ужином. Она крепко прижала его к себе, и я на мгновение замер в дверях, чтобы полюбоваться этой сценой.

– Прекрасно, – повторил я.

Мы сидели вместе вокруг старого дубового стола Иды: Конор – в своем высоком детском креслице, которое я для него смастерил, а мы с Мерри – друг напротив друга. Она распустила волосы и расчесала их на пробор, как мне больше всего нравилось. На ней была голубая блузка, отчего ее серые глаза казались почти прозрачными. Они то смотрелись совершенно пустыми, то походили на порталы в какой-то иной мир.

Я налил вина, Мерри подала на стол блюда и вытерла разлившийся по ободкам тарелок соус. Она зажгла свечи, хотя еще было довольно светло, и поставила цветы на дальнем краю стола.

– За Швецию, – сказал я, поднимая бокал.

Мерри подняла свой – и мы чокнулись.

– М-м-м, как хорошо, – похвалил я, попробовав ее блюдо. – Помнишь, когда мы только познакомились, – рассмеялся я, – ты не умела даже тост приготовить?

Иногда даже трудно вспомнить ту, прежнюю Мерри. Так сильно она изменилась с тех пор.

– Это было в другой жизни, – сказала она.

– Да уж, – согласился я. – Эта жизнь подходит тебе гораздо больше.

Она вся словно светилась. Вечерние лучи, проникавшие сквозь окно, окутывали ее фигуру мягким золотистым сиянием. Мерри пыталась накормить Конора, но он упрямо вертел головой, отворачиваясь от ложки.

– Что ты ему приготовила?

– Брокколи, морковь и курицу, – ответила жена.

– Повезло ему, – улыбнулся я. – Дай-ка я попробую.

Я взял у нее синюю пластмассовую ложечку:

– Ам, ам!

Он широко раскрыл рот, и спустя мгновение с едой было покончено.

– Видишь? – подмигнул я Мерри. – Просто нужно проявить настойчивость.

Позже, после того как Кон уснул в своей кроватке, мы с Мерри расположились на лужайке и допили ту бутылку вина. Я привлек жену к себе и крепко поцеловал.

Над нами по темнеющему небу рассыпались звезды. В воздухе плыл густой, чуть удушливый аромат лаванды, цветущей в палисаднике. Я видел, что Мерри смотрит на меня, я даже увидел свое отражение в ее светлых глазах. Я задрал ее блузку и привлек жену к себе.

– Сэм! – запротестовала она.

– Ш-ш-ш-ш, – прервал я. – Мы с тобой в безлюдном месте, вокруг ни души.

Она расслабилась подо мной и слегка вздрогнула, когда я приподнял и раздвинул ее колени.

– И потом, – напомнил я, – мы должны постараться зачать еще одного ребенка.

Да!

В этом и есть жизнь.

Именно так и должно быть!

Мерри

Сегодня у меня в планах был джем и детское питание. В саду полно плодов и овощей, а в холодильнике почти не осталось небольших кастрюлек, в которых я готовлю ребенку еду. Мы с Сэмом договорились, что наш сын должен есть только органические продукты – и только домашнюю еду, поэтому мы сами выращиваем большинство овощей, я готовлю их, делаю из них пюре и храню в бутылочках. Это не так уж и хлопотно. И потом, чего не сделаешь ради собственного ребенка!

Когда мы приехали в прошлом году, все здесь было запущенным и заросшим. Пятнадцать лет дом стоял заброшенным, газон зарос сорняками, деревья поразила черная гниль. Мы спилили сгнившие ели, выкорчевали кусты с узловатыми корнями, выпололи лисохвост полевой и мокричник, заполонившие лужайку. Накупили книг по садоводству и посадили ряды и ряды рассады из питомника. Сэм заказал на зиму парники с кирпичными стенами для защиты от мороза. Потом началось: то улитки атаковали нашу рассаду, то она никак не пускала побеги, то мы не вовремя ее сажали, неправильно подбирали время для пересадки и пикирования. Постепенно мы все-таки выработали правильный график посадки и сбора, выяснили, сколько требуется времени для того, чтобы созрела капуста, какая оптимальная щелочность почвы. Теперь мы во всем этом неплохо разбираемся. По крайней мере я. Поскольку сад и кухня – это моя епархия.

* * *

Теперь у нас нет недостатка в овощах. Каждое утро я выхожу в сад, высаживаю семена, удаляю сорняки, выкапываю из земли корнеплоды. В воздухе стоит тяжелый, густой запах свежей земли – пахнет чем-то полезным, хорошим. «Возвращение к основам», как говорит Сэм. Ему нравится делать вид, что он ощущает разницу; он, бывало, пробует салат и выносит приговор – домашний он или купленный на базаре. Я обычно лгу, если он ошибается. Мне не хочется, чтобы он чувствовал себя глупо.

Для детского питания я варю овощи в кастрюльках на плите: одна для моркови, одна для брокколи, одна – для кабачков цукини. Потом подписываю этикетки и приклеиваю на банки – словно малыш может прочесть и выбрать, что он будет есть на обед. Сэму нравится открывать холодильник и любоваться этими баночками, которые выстроились рядами, как маленькая продуктовая армия, готовая к бою.

– А кто это у нас такая хозяюшка-хлопотунья? – восхищается он.

– Ну, наверное, я, – подмигиваю я мужу. – Скромница и умница.

Я и вправду «хозяйственная женушка». Просто создана для этой роли, по словам Сэма. Он обожает во мне эту присущую идеальной жене и матери хозяйственность и домовитость. Возможно, он прав, я на самом деле создана для этого. Я действительно весьма преуспела на этом поприще. Можно сказать, что это вполне естественно, но вы не представляете себе, как я усердно работаю, чтобы всего этого добиться!

Но неважно, какие усилия я трачу. Оно того стоит, правда? На что еще я могу надеяться? Что еще нужно? Любовь мужа, ребенок как дар свыше. Этого достаточно – это все.

Иногда эта новая жизнь заставляет меня чувствовать себя так, словно я – жена какого-то поселенца восемнадцатого века. Выращиваю овощи, пеку хлеб, хожу каждую неделю на фермерский рынок, чтобы набрать целый пакет зелени: цукини, капусту, сельдерей – все, что я не могу вырастить в собственном саду. Сэм всегда поражается этим продуктам: свежести дикого норвежского лосося, вкусу настоящего фермерского масла или яиц, которые только-только собрали в курятнике.

– Как мы вообще выживали в Штатах? – недоумевает он.

– Сама удивляюсь, – отвечаю я.

Мы часто так делаем, сравниваем жизнь до и после, старый мир и новый. Швеция всегда побеждает. Мы редко не сходимся во мнениях. Швеция – это подарок Сэма мне, нам обоим. Это ответ на все вопросы. Лекарство от всех болезней, которые мучили нас раньше. Сэм называет это место раем и

правомерно ожидает, что я с ним соглашусь.

Я и соглашаюсь. А как можно не согласиться?

Кроме заготовки джема и детского питания, сегодня день уборки ванной и кухни, поэтому, покончив с приготовлением еды, я делаю самодельное чистящее средство из уксуса и пищевой соды – рецепт из блога, который нашел для меня Сэм. Там полно всяких советов по ведению домашнего хозяйства, например как сделать ароматические свечи или справиться с трудновыводимой плесенью на стенах. Он подписался на рассылку, чтобы я не пропустила ни одного полезного совета.

Да, в этом он хорош. Дальновиден. Я восхищаюсь этим качеством в людях, способностью принимать решения и действовать по плану. Я никогда не была в этом сильна. И мне всегда было интересно, какой была бы моя жизнь, если бы я умела предусматривать и планировать все заранее.

Опустившись на колени в ванной комнате, я начала именно с ванны. Отчищала и натирала до блеска краны, пока не увидела своего отражения, искаженного и перевернутого вверх тормашками. Вытянула из слива слипшийся комок наших волос, скопившихся за неделю. Потом унитаз – кропотливая работа, пришлось чуть ли не с головой нырять внутрь. Что бы сказала моя мать, если бы увидела меня сейчас? Неопрятная, неухоженная – вот что она сказала бы. Или, более вероятно, назвала бы меня омерзительной. Немытая, без косметики, кожа лоснится от жира. Пот струится по футболке. Я понюхала свои подмышки.

Потом улыбнулась своему отражению в зеркале – ослепительно и широко. Раскинула руки, изобразив радушное приветствие.

– Добро пожаловать в наш дом, – сказала я вслух. – Добро пожаловать в нашу жизнь.

Женщина в зеркале выглядела счастливой. Убедительной.

Чуть раньше сегодня утром мне позвонила Фрэнк. Она разбудила ребенка.

– Я еду в Швецию, – сказала она.

– Что?

– Я приеду в гости!

Я говорила ей это снова и снова, целый год, с тех пор как мы сюда переехали, в каждом электронном письме и в каждом телефонном разговоре. «Ты должна к нам приехать, тут просто восхитительно, мы будем рады принять тебя у себя».

И вот теперь она приезжает. Она будет здесь уже через несколько недель.

– Она – твоя лучшая подруга, – сказал Сэм, когда я ему сообщила эту новость. – Это прекрасное известие.

– Да, в самом деле, – согласилась я с улыбкой.

Несколько дней назад я послала ей электронное письмо. Очередное пространное послание о моей замечательной жизни в Швеции, с фотографиями, подтверждающими мои слова. Фото моей домашней выпечки, улыбающегося ребенка, мужа с оголенным торсом. Она ответила почти сразу же, рассказав о новом повышении по службе и сверкающем новом пентхаусе в Баттерси. И тоже прикрепила фото, со своего недавнего отпуска на Мальдивах: Фрэнк в бикини со смешным принтом из крошечных ананасов, загорелая, лоснящаяся от солнцезащитного крема, с кокосовым коктейлем в руках, а на заднем плане лениво плещется Индийский океан.

Интересно, как она отнесется ко всему этому. К реальной картине моего мира, когда увидит его во плоти.

Я вытерла зеркало и открыла окна, чтобы проветрить комнату от запаха уксуса. В кухне я выдвинула посудомоечную машину и вычистила грязь, собравшуюся у стены. Я отчистила жир с внутренних поверхностей духовки, взобралась на стремянку и вытерла пыль на холодильнике. Иногда мне нравится писать пальцем слова на толстом слое пыли. «Помогите!» – почему-то написала я в это утро.

Ребенок проснулся и расплакался, когда я заливала рассолом оставшиеся овощи, разложив их по банкам. Маринование – еще один из недавно приобретенных мною навыков в кулинарии. Весьма полезный. Я пошла в детскую и уставилась на крикуна, лежащего в кроватке.

Лицо его покраснело, оттого что на него не обращают внимания. На губах пузырилась слюна, когда он заходился криком. Он увидел меня, нахмурился, протянул ко мне ручки и заерзал, пытаясь подняться и выбраться из кроватки.

Я наблюдала за ним. И всем сердцем стремилась вызвать в себе это чувство. «Пожалуйста, – просила я, – ну, пожалуйста!»

Они называют это материнским инстинктом. Но для меня это что-то далекое, пустой звук. Погребенный где-то в глубине души, под многими и многими слоями, – или вовсе отсутствующий инстинкт.

«Пожалуйста!» – снова взмолилась я. Но в душе, как всегда, была лишь пустота. Холодная и гулкая. Полнейший вакуум.

И я ничего не могла поделать, только стояла и смотрела.

Крики ребенка становились все более требовательными, лицо его все больше краснело, перекошенное от возмущения. Он постепенно посинел от крика. Я беспомощно замерла, словно парализованная. Потом отвернулась, чтобы он не мог вот так, глаза в глаза, просить меня погасить вспышку его раздражения. Не в состоянии понять, что я не могу этого сделать.

Я обвела взглядом его комнату, наполненную книжками и мягкими игрушками. Карта мира на стене с трафаретами арктических млекопитающих. Белый медведь. Лось. Лиса. Волк. Я сама рисовала их в последний месяц беременности, уложив коробку с красками на выпирающий живот. Целый мир специально для него. И все равно ему этого недостаточно. Меня ему тоже недостаточно.

А вот его для меня – слишком много.

В этом шуме я попыталась справиться с дыханием, почувствовать биение собственного сердца. Оно громко стучало сегодня, билось от собственных

огорчений – сердитый кулачок в клетке ребер.

Я подошла ближе к кроватке и посмотрела вниз на бьющегося в истерике ребенка. Моего ребенка. Я покачала головой.

– Прости, – сказала я наконец. – Мамочка не в настроении.

Я вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Сэм

Мы с Карлом сидели в саду, пока женщины заправляли салаты на кухне. Карл и его жена, Эльза, – наши соседи, живущие на другом краю поля, приятные люди, типичные шведы, благонравные и трудолюбивые. Она преподает студентам, он недавно раскрутил собственный бизнес, занимается заменой систем отопления на более энергоэффективные модели. Как только мы переехали сюда в середине прошлого лета, они пригласили нас на вечеринку – и вот сколько времени прошло, прежде чем мы смогли пригласить их к себе.

– Новорожденный и связанные с ним хлопоты, – извинился я, и Карл лишь пожал плечами. Конечно, вполне понятно.

Их дочь, Фрея, сидела на лужайке и играла с Конором. Мы с Карлом разговаривали, и я старался не пялиться на него слишком пристально. Но отвести взгляд было очень трудно. Поразительные голубые глаза, богатырские рост и телосложение. Чистокровный викинг. Он принес в подарок кусок лосятины в вакуумной упаковке.

– Когда-нибудь сходим с тобой на охоту, – пообещал Карл. – Все шведы – заядлые охотники. Напомни мне, чем ты занимаешься? – спросил он.

– Я пытаюсь снять фильм. Документальный фильм, – ответил я.

– А раньше ты этим занимался?

– Нет, – признался я. – Раньше я был преподавателем. Доцентом кафедры антропологии. Колумбийский университет.

– Интересно, – поднял он брови. – А на чем ты специализируешься?

Я улыбнулся:

– Ритуальные и обрядовые маски Западной Африки. В частности, Берега Слоновой Кости. Как тебе такая бесполезная информация?

– Это очень интересно, я уверен.

– Да, было довольно увлекательно. Эти маски просто завораживают, – согласился я. – Они помогают племенам сохранять свою идентичность, свои традиции и культуру. Маски являются важной частью их обрядов и церемоний, их…

Я замолчал, не позволяя себе продолжать. Не позволяя вспоминать, что потерял.

Только вперед и ввысь!

– В любом случае пришло время перемен, – закончил я.

Я допил пиво из бокала и вспомнил нашу последнюю встречу с той нервной старой девой Николь из отдела по работе с персоналом. «Подпишите здесь, поставьте свои инициалы здесь». Быстрое, бесцеремонное увольнение, которое единым росчерком пера перечеркнуло почти два десятилетия работы – все мои успехи, почести и звания.

– Но они же меня даже не выслушали, – сказал я.

– Им известно более чем достаточно, – холодно ответила она.

– Значит, ты приехал сюда в поисках работы? – сделал вывод Карл.

– Не совсем, – возразил я. – Я начинаю новое дело. Это займет некоторое время. На данном этапе все сводится к встречам, я прощупываю почву, пытаюсь показать снятый материал нужным людям. – Я хрустнул костяшками пальцев, стараясь взять себя в руки. Но Карл не сдавался.

– Но почему именно здесь, в Швеции? – поинтересовался он.

– У нас здесь дом, – пожал я плечами. – Хотелось изменить свою жизнь. В Америке люди живут, не задумываясь о серьезных и важных вещах, – их все время что-то отвлекает. Мне… нам, нам хотелось чего-то настоящего, основательного.

– Так что, Америка – не настоящая? – улыбнулся Карл. Он уже прикончил второй бокал пива. Я полез в холодильник и вручил ему третью бутылку.

– Америка – страна, которая построена на мифах, – сказал я. – Она провозглашает особую миссию страны, американскую исключительность. Идея состоит в том, что мы лучше, чем есть на самом деле.

Карл кивнул:

– Так каков твой приговор? Тут лучше?

– Конечно, – сказал я. – Швеция, по-моему, лучшее в мире место для жизни.

– Может, ты невнимательно смотришь, – рассмеялся он, потом поднял пиво в шутливом тосте, – но все равно будем надеяться, что ты прав.

Я посмотрел на Конора, сидящего на газоне, такого ясноглазого, крепенького.

Конечно, я прав!

Подошла Фрея, чтобы показать Карлу порез на пальце. Он сказал ей что-то по-шведски, она кивнула и вернулась к Конору.

– А вы не скучаете по дому? – спросил Карл. – Не хочется почувствовать себя в окружении соотечественников?

– Я ни по чему в Штатах не скучаю, – признался я.

Из дома вышла Эльза, в руках у нее была большая миска салата из капусты и зелени. За ней следом вышла Мерри со стопкой тарелок и вилками. Она выглядела немного усталой. Она с самого утра на ногах, готовилась к приему гостей. Рядом с Эльзой она смотрелась немного неухоженной – немытые волосы зачесаны назад и собраны в пучок.

– Не было времени, – сказала она, раньше чем я спросил.

– Время есть всегда, – возразил я, – просто кое-кто не умеет правильно его распределять.

– А как ты, Мерри? – спросил Карл. – Ты скучаешь по Штатам?

Мерри посмотрела на меня и пожала плечами:

– А по чему там скучать?

Мы расселись вокруг стола и стали передавать друг другу миски с салатом и тарелки с закусками. Мерри переборщила с заправкой для салата, но я ничего не сказал по этому поводу.

– Очень вкусно, – похвалила Эльза, но я заметил, что она почти ничего не ест.

Мерри вынесла тарелку с едой для Конора, и Фрея попросила разрешения покормить малыша. Она взяла ложку и покачала ею, как игрушечным самолетом, который летит прямо в рот мальчику.

– Вы только посмотрите! Прирожденная нянька, – улыбнулся я.

– Да, – согласился Карл. – Она с нетерпением ждет братика или сестричку, чтобы с ними можно было играть.

Эльза положила вилку и нож. Карл глотнул пива и одарил меня хитрой улыбкой:

– А пока мы купили ей кота.

Эльза посмотрела на Конора и погладила мужа по плечу.

– Чудесный малыш, – сказала она. – Очень милый!

– Конечно, – согласился я, подумав, и как это Карл до сих пор не раздавил ее, ложась на нее сверху.

Мерри встала и принялась собирать со стола тарелки, соскребая остатки еды. Эльза предложила ей свою помощь, но Мерри отказалась. Она вернулась из кухни с тортом, украшенным ягодами и сливками.

– Моя богиня, – сказал я. – Что у нас тут?

Мерри расставила на столе стеклянные тарелки и разложила серебряные десертные вилки. Я узнал вилки из набора столового серебра ее матери.

– Мерри, – сказал Карл, – ты не рассказывала нам, чем занимаешься.

– Она занимается вот этим, – указал я на торт, и мы все рассмеялись.

– Раньше я работала художником-декоратором, – ответила Мерри едва слышно.

– Для кино? – поинтересовался Карл.

– Кино, телешоу, просто телереклама.

– Да, она всегда обустраивала эти вымышленные мирки. Кухни, гостиные, все эти интерьеры, которые всегда встречаешь в дрянной дешевой рекламе. Дезинфицирующее мыло для рук или матрасы.

– Ну, было несколько более интересных проектов, – возразила Мерри.

Я вдруг вспомнил, как однажды вечером она пришла домой с зеленым креслом, которое ей вручили как плату за целый рабочий день. Она попросила меня

поднять его в нашу квартиру. Помню, как меня раздражало это кресло, как злился на то, что она отрывает меня от дела, прося помощи в такой глупости, когда я корпел над документами. Эта работа была унизительной для нее. Она была унизительной для нас.

Я посмотрел на нее сейчас – и заметил в глазах этот взгляд, который появлялся у нее время от времени. Задумчивый. Меланхолический. Как будто ее мысли витали где-то далеко. Будто она забыла, где она и кто.

Я откусил еще кусочек торта:

– Боже, как же вкусно, правда?

– Да, – согласился Карл. – Очень хороший торт.

Мерри моргнула и улыбнулась.

– Ты планируешь найти тут что-то подобное? – спросила у нее Эльза. – Тут снимается масса местных шоу, в Стокгольме или Гетеборге. Было бы весьма удобно, очень близко к дому.

Я поймал взгляд Мерри, и она покачала головой.

– Нет, – сказала она. – Мне нравится возможность просто сосредоточиться на материнстве. Это действительно самое важное.

Перед тем как соседи ушли, я позвал Карла в дом, чтобы показать ему свою коллекцию африканских масок. Шесть резных деревянных лиц: три из Кот-д’Ивуара, одно из Бенина, две маски плодородия племени игбо – результат семестра, проведенного в Нигерии.

– Как экзотично, – сказал он.

– Они вселяют ужас, – вздрогнула Эльза.

– Мерри чувствует то же самое, – рассмеялся я. – Она годами умоляет меня положить их в коробку.

– И все же они по-прежнему на стене, – улыбнувшись, сказала Эльза.

После того как мы попрощались, я закрыл дверь и привлек Мерри к себе.

– Было весело, – сказал я.

– Да, – согласилась Мерри.

– Правда, они похожи на восковые фигуры, эти двое?

– Да, – сказала жена. – Эльза безупречна.

Я сделал себе заметку напомнить Карлу про его обещание взять меня с собой на охоту. Мерри заканчивала с уборкой и складывала посуду в посудомоечную машину, протирала кухонные столешницы, сметая крошки в ладонь.

Я поднял Конора с ковра и взял на руки. От него исходил аромат духов Эльзы. И пахло детским дерьмом. Я передал его Мерри.

– Похоже, пора менять подгузник, – сказал я.

Мерри

Я наблюдаю за ребенком через решетку его кроватки. Этакая маленькая тюремная камера, чтобы он наверняка не выбрался наружу. Он наблюдает за мной. И не улыбается. Я не доставляю ему радости.

Что ж, это чувство взаимно.

Я смотрю на его лицо. Внимательно ищу перемен. Говорят, дети все время меняются. Сначала они должны походить на своего отца, потом на мать, потом снова на отца. Но он похож только на меня. Все время только на меня. Слишком похож.

Его глаза смотрят на меня с немым упреком. Обвиняюще. «Помни, – говорят они, – помни, что ты со мной сделала». «Мне очень жаль», – шепчу я и отвожу взгляд.

Моя личная тюремная камера – не из деревянных перекладин. Она из стекла и деревьев. Стеклянная клетка – это наш дом, с огромными стеклянными окнами по всему периметру, которые отец Иды вставил, чтобы в доме было как можно больше света и пространства. Но высоченные столетние сосны застят солнечный свет. Заточение на острове, и все пути отступления отрезаны, вся внешняя жизнь под запретом. Только мы.

Сэм, я и ребенок.

– Все, что нам нужно, – говорит Сэм.

– Неужели? – удивляюсь я. – Разве нет ощущения, что мы – последние трое выживших?

– Ой, – Сэм смеется над моей глупостью.

Он сегодня отправился в Стокгольм или Уппсалу – я забыла, куда именно, – будет показывать свой видеоролик рекламному руководству и продюсерам. Он очень старается выполнить работу как можно лучше. Действительно делает все возможное. Он всегда выкладывается по полной. Ничто не может быть важнее семьи, как говорит он. Именно поэтому мы сюда и переехали, это – лучшее место, чтобы растить детей. Как он любит этого ребенка! Умиляется каждой складочке и ямочке, каждому жесту. Когда-то он смотрел так на меня, словно я – чудо природы, божество, которое нужно боготворить и обожать.

– Ба-ба. Ма-ма. Па-па.

Все, что мы говорим, разбивается на слоги: птич-ка, до-мик, ки-ся.

Малыш иногда ест, но не всегда. Часто я готовлю ему еду – и ем ее сама, а он только наблюдает, как я отправляю себе в рот ложку за ложкой.

– Видишь? И все чисто. – Я предлагаю и ему полную ложку, но он качает головой.

Ребенок часто плачет, но еще не произносит ни слова. Он раскачивается на животе, еще не может ползать. Есть какие-то вехи в его развитии, которые я наверняка должна отслеживать и контролировать, но я этого не делаю. Справочник «Развитие ребенка в первый год жизни» лежит рядом с кроватью нетронутый, под тюбиком органического крема для рук с натуральным розовым маслом, производители которого отчисляют пять процентов прибыли от его продаж на сохранение тропических лесов.

– Ты ведь читаешь его, верно?

– Конечно, – вру я. – Очень информативно.

Малыш. Мой ребенок. У него есть имя, но почему-то я не могу заставить себя произнести его вслух. Конор Джейкоб Херли. Конечно, это имя выбирал Сэм.

«Конор Джейкоб», – сказал он.

Джейкоб – в честь его лучшего друга из старшей школы, который пропал без вести в море во время кругосветного путешествия. А Конор – дань уважения ирландским корням Сэма. Конор Джейкоб. Конор Джейкоб Херли. Так и было решено, и так написали на бирке его тоненького запястья. Я прочла ее. Произнесла имя своего сына. Конор Джейкоб Херли.

Шарики рядом с больничной койкой были голубого цвета. Один уже лопнул, его сморщенные останки одиноко висели где-то среди целых собратьев.

– Хотите подержать своего сына? – предложила медсестра.

Если бы Сэма в палате не было, я бы покачала головой.

Он считает меня хорошей матерью, самой лучшей. Беззаветно преданной и заботливой. До самоотречения. Возможно, он прав относительно последнего пункта. Иногда я сама себя спрашиваю: а где я? И было ли когда-нибудь это «я»?

В те дни, когда Сэма нет дома, я чувствую себя как в отпуске. У меня и ребенка нет зрителей, не нужно ни на кого производить впечатление. Обычно я не принимаю душ. И даже не переодеваюсь. Сижу в ночной сорочке на диване,

смотрю реалити-шоу по телевизору – есть у меня такая гадкая привычка (одна из многих, должна признать). Мне никогда не надоедает смотреть, как пластмассовые, неестественные дамочки буквально пожирают друг друга, все эти домохозяйки и матери-подростки. Как они изображают искренность, когда на самом деле это лишь игра на камеру. Тем не менее все делают вид, что ничего не знают. Притворство – путь к успеху.

В обычные дни я позволяю себе совсем чуть-чуть масла, пытаюсь обуздать свою тягу к сладкому и контролировать вес. Но когда Сэма нет дома, я достаю из своего тайника в барабане стиральной машины пакеты с чипсами и пачки печенья, которые тайком приношу домой из магазина, спрятав под пачками подгузников и органических моющих средств. Я – гнусная обманщица. Это так недостойно приличной женщины. Я руками ковыряю грязь из-под ногтей на ногах и выдавливаю вросшие волосы на голенях. Сэм содрогнулся бы, если бы увидел, как я это делаю. Меня саму иной раз передергивает от отвращения к себе вот такой. Что ж, когда Фрэнк приедет, эту сторону своей натуры придется спрятать. Некоторое время я не смогу так расслабляться.

Иногда я думаю, было бы неплохо съездить куда-нибудь, оставить наш уединенный островок. Конечно, у Сэма есть машина. Отсюда за час можно добраться куда угодно. А в сорока минутах ходьбы от нашего дома есть автобусная остановка. Сэм купил себе горный велосипед, чтобы гонять по лесным тропам, но для меня это исключено. Слишком опасно, сказал он, ездить на нем с ребенком.

Тут мы и зашли в тупик. Только мы вдвоем. Мать и дитя, и ничего другого не остается, лишь погрузиться с головой в домашнее хозяйство. Подозреваю, Сэму это нравится. Нет, я точно это знаю. Нравится, что меня ничто не отвлекает, что все мое внимание сосредоточено только на этом. Меня искренне удивило, что он с жаром поддержал идею приезда Фрэнк. В Нью-Йорке я всегда выслушивала его жалобы о том, что у меня находятся интересы вне дома, что меня что-то отвлекает. Его не устраивало, что часть моего «я» остается незанятой им, Сэмом. Любимая музыка Сэма, книги Сэма, которые он сейчас читает, учебные материалы Сэма, его новые привычки в еде или его последняя тренировка. Его все. А теперь еще и ребенок Сэма.

Ребенок. Тот ребенок, которого мы зачали. Зачали – и впустили в этот мир. Я помню, что я чувствовала в тот день, стоя в тесной бежевой ванной комнате нашей маленькой квартирки, в которой всегда пахло прогорклым маслом из

индийского ресторанчика на первом этаже. Я стояла и смотрела на эти две полоски, две жизнеутверждающие полоски, неоспоримые и необратимые. Это был уже второй тест. Але-оп! И готов ребенок!

Дверь распахнулась, Сэм неожиданно вернулся домой рано.

– Это правда? – спросил он, поймав меня с поличным.

Я не подала вида, что расстроилась.

– Да, Сэм, – воскликнула я. – Это замечательно, правда?

Страдания созданы для того, чтобы их переносить. Ты не можешь их преодолеть. Только нести и терпеть. Кто-нибудь может сказать: «Ты свободно можешь уйти». Вот только вопрос как. И с чем и куда. Я так и не смогла найти ответы на эти вопросы. И пожалуй, никогда не смогу принять такого решения. У меня в целом мире есть только Сэм. Он это знает. И отчасти именно это его и привлекает во мне. Это, а также то, что в одиночку мне не выжить. Я просто не буду знать, с чего начать.

Бывают бессонные ночи и ночи, которые, кажется, тянутся бесконечно. Я просыпаюсь иногда с ребенком на руках, но не помню, как и когда взяла его на руки. Он просыпается и кричит. Я подхожу к его кроватке, смотрю, как он багровеет от крика, слезы ручьями текут по лицу, он заходится до спазмов в горле. Этакий свирепый, неистовый подменыш из дикой природы. Я не хочу брать его на руки. Мне противно утешать и успокаивать его, хотя только это ему от меня и нужно, только об этом он и просит.

Я не могу этого сделать. Могу только стоять и смотреть, молча и неподвижно, пока он не накричится до полного изнеможения.

«Приучаю его засыпать самостоятельно», – объясняю я Сэму, если он жалуется на крики. Я цитирую какого-то уважаемого светила педиатрии, чтобы продемонстрировать, что очень серьезно отношусь к развитию ребенка. Но Сэм все равно находит к чему придраться и постоянно указывает мне на ошибки. Он предлагает какие-то мудрые советы – незначительные улучшения, как он их называет, им всегда найдется место. Да, он любит просвещать и воспитывать меня. И ему это неплохо удается. Восполнение пробелов. Думаю, он считает

меня таким пробелом и постепенно меня «восполняет». Делай это. Надень вот это. Теперь тебе следует уволиться с работы. Теперь нам нужно пожениться. А теперь будем размножаться.

За эти годы он втолковал мне, что ценить, а от чего – отказаться. Итальянская опера, классические русские пианисты. Экспериментальный джаз. Корейская еда. Французские вина.

Это Дворжак? Я спрашиваю его, как будто сама не знаю. Как будто это не я выросла в доме на берегу океана в Санта-Монике, где моим образованием занимались частные учителя, пичкая меня знаниями больше, чем мне хотелось, – и больше, чем я того заслуживала.

Муж. Хозяин дома.

Полагаю, он говорит мне только то, чего я сама не знаю. Что мне нужно. Чего я хочу. Кто я есть. И в обмен на это я отдаю ему всю себя. Я даю ему именно такую женщину, какой он хочет меня видеть. Безупречное исполнение. На меньшее он не согласен.

Мужчины, которые были у меня до Сэма, хотели меня спасти, прогнать прочь все мои страхи. Сэм же хотел создать меня с нуля. И мне не хотелось его разочаровывать, потому что не оправдать надежд Сэма – самое худшее, что может произойти. Это конец света, возвращение к безнадежной, неумолимой, грызущей пустоте внутри.

– Ты будешь потрясающей матерью, Мерри, – повторял он мне в течение всей беременности, всего токсикоза, тяжести и постоянного чувства враждебного, неудержимого вторжения. Он не мог отвести от меня взгляд – и руки от моего раздутого живота. Его завораживало его личное, как он считал, исключительное достижение.

– Ты только посмотри, – удивлялся он, – мы создали новую жизнь! Мы зачали это живое существо внутри тебя! Это просто чудо, – твердил он.

До появления ребенка было еще далеко. Но Сэм в своих мечтах уже разработал целый план: Швеция, совершенно новая жизнь. Сбросить старую кожу – и скользнуть в новую. Было что-то заманчивое в этой идее – покинуть Нью-Йорк,

оставив в нем наши многочисленные секреты, неприятности и грехи. Некоторые из них были на совести Сэма, но самое темное пятно – на моей.

Ребенок, ребенок, ребенок. Сэм любит его так неистово, что иногда мне трудно дышать. А теперь нужно будет думать еще и о Фрэнк. Фрэнк в моем доме. Фрэнк в моей жизни. Так близко. Возможно, слишком близко. Мы – подруги детства, самый опасный тип дружбы. Повязаны общими воспоминаниями, совместными ночевками, секретами, прошли через ревность, зависть и предательства, крупные и мелкие. Она всегда присутствовала в моей жизни – так или иначе. Уже очень долго. Даже когда мы далеко друг от друга, разделенные городами или континентами, чаще всего я думаю и вспоминаю о ней. Именно по ней я тоскую больше всего. Я представляю себе, как она отреагировала бы на то, что я говорю или делаю, на то, как я живу, кого люблю. Я представляю себе, как Фрэнк все это воспримет, как будет сравнивать мою жизнь со своей. Мы нужны друг другу – всегда были нужны.

Я помню, когда она впервые переехала в Нью-Йорк, – после того как получила степень магистра бизнеса, – ею заинтересовалась одна из ведущих консалтинговых компаний. И подруга вдруг стала совсем другой Фрэнк. Моталась по городам, встречалась с менеджерами фонда комплексного рискового инвестирования, снимала пентхаус пополам с русской галеристкой. Спустя несколько месяцев я упаковала свои вещи и тоже переехала в Нью-Йорк. Отец оплатил мое проживание.

– А что ты здесь делаешь? – спросила Фрэнк, когда однажды субботним утром я появилась у нее на пороге с двумя бейглами, начиненными сливочным сыром.

– Я же говорила тебе, что всегда планировала жить здесь, – ответила я.

– Да. Мы нужны друг другу. Куда ж мы друг без друга?

Было девять часов, когда Сэм вернулся домой, – гораздо раньше, чем обещал. Ребенок был в своей кроватке, только недавно заснул после одной-двух ложек сиропа от кашля. Я иногда так делаю, когда случаются трудные дни. Это не должно ему навредить. Эти сиропы – тайные мамины помощники.

И еще кое-что. Вроде того что я кладу подушки слишком близко к голове ребенка. Или укладываю его слишком близко к краю кроватки. Не знаю, зачем я это делаю. Не знаю, что на меня находит. Знаю только, что ничего не могу с собой поделать. Я часто лью слезы. Порой все немеет, части тела становятся нечувствительными и темнеют, словно пораженная гангреной конечность. Такая вот невосприимчивость к жизни.

Когда до меня донесся шелест гравия под колесами машины Сэма, я испугалась. Я сидела на диване и смотрела шоу о женщинах, которые соревновались со своими ближайшими подругами, кто из них устроит лучшую свадьбу. И еще не привела себя в порядок. Я быстро захлопнула ноутбук и открыла книгу по развитию детей дошкольного возраста.

– Здравствуй, жена, – сказал Сэм, целуя меня в губы и обдавая несвежим дыханием – пахло гнилым мясом, и у меня сразу свело живот.

– Как все прошло сегодня? – поинтересовалась я.

Он проигнорировал вопрос, сел рядом со мной и обхватил мои налившиеся груди, взвешивая их в ладонях, как какой-нибудь средневековый купец.

– Кажется, наша Мерри пахнет мускусом? – смеясь, проговорил он. – Я знаю, чего ты хочешь, – он запустил палец мне в джинсы.

Я с утра не принимала душ и сама чувствовала свой интимный запах на его пальцах.

– Ты измеряешь температуру? – спросил он. – Ты должна делать это каждый день, чтобы мы не ошиблись с датами.

Пару недель назад он купил мне базальный термометр. Я должна была измерять температуру каждое утро и отслеживать каждую стадию своей овуляции. Фолликулярная фаза, лютеиновая фаза, период цикла – все это записывалось и вносилось в таблицу, которая была в приложении у меня в телефоне. Все по науке. Когда у меня наилучший момент для зачатия, телефон начинает отчаянно пищать и на экране появляется красный кружок. «Красный день календаря!» – словно объявляет он. Напоминание. Предупреждение.

– Я пользуюсь им, – сказала я. – Но нужно время, чтобы высчитать свой цикл.

Ему не терпится. Он хочет, чтобы я снова забеременела. Настаивал, чтобы мы начали пробовать, когда ребенку было всего два месяца.

– Слишком рано, – умоляла я. – Там все еще болит.

– Глупости, – сказал он. – Доктор сказал – шесть недель.

А потом у меня снова были кровяные выделения – светло-розовые пятна на простынях, а на следующий день – на моем нижнем белье. Несколько пар трусов я сразу выбросила в мусорное ведро – кровь засохла бурыми, дурно пахнущими пятнами.

– Пойдем, – сказал Сэм.

Он привел меня в спальню и нежно уложил на кровать с вполне определенной целью. Я лежала и притворялась, что горю энтузиазмом. О да! Еще! Пожалуйста! Ему нравится, когда я упрашиваю его. И когда я благодарю его после каждого акта, словно он сделал мне подарок.

В иные дни мне бывает особенно сложно выражать эту свою благодарность. Признавать, как сильно мне повезло. В такие дни Сэм двигался медленнее, замирал, заглядывал мне в глаза. Иногда он вызывает у меня отвращение – физическую реакцию на его запах и прикосновения; на то, как он дышит открытым ртом, приподнимая язык, на эти черные жесткие волосы, которые беспорядочными пучками покрывают его плечи.

Я внутренне содрогаюсь оттого, что он так близко.

Наверно, это нормально.

– Я люблю тебя, Мерри, – сказал он, и в этот момент я почувствовала ее – благодарность. Я почувствовала себя любимой – по крайней мере мне показалось, что почувствовала. Иногда нельзя сказать наверняка.

Сэм лег сверху и вошел в меня. Он вцепился в меня обеими руками – и дышал мне прямо в ухо.

– Давай родим ребенка, – сказал он, подходя к самому пику.

Сэм

Сегодня утром я проснулся рано, побрился, оделся и уже собрался выйти из дому, как меня окликнула Мерри – она усаживала Конора на его высокий детский стульчик:

– Ты куда-то едешь?

– Снова в Уппсалу – я предупреждал тебя несколько дней тому назад.

– Нет, ты ничего мне не говорил.

– Все в порядке, – сказал я, целуя их обоих. – Ты просто забыла. Знаешь, тебя иногда подводит память.

– Снова едешь?

– Меня пригласили, – сказал я. – На этот раз на встречу с исполнительным креативным директором.

– Удачи, – кивнула она.

В машине я проверил, не забыл ли мобильный, и, взглянув на часы, написал: «10 утра».

Выехал с нашей подъездной дорожки и стал медленно двигаться вдоль соседских домов. Мистер Нильссен вместе со своими лошадьми вышел на улицу. В знак приветствия я приподнял шляпу. Полагаю, что он – миллиардер. Продает лошадей в Саудовскую Аравию. Однако ездит на хонде. Как же мне нравятся

шведы! Каждое утро, выходя из дому, я ощущаю, как меня переполняет радость, оттого что мы живем в этой стране и оттого, как мы здесь живем. Нам действительно повезло. Все-таки удача рано или поздно поворачивается к нам лицом.

* * *

День обещал быть прекрасным. Ясным и солнечным. Дорога была довольно свободной, поэтому я доехал быстро и спокойно.

Уже через сорок минут я нажимал на кнопку ее дверного звонка.

– Ты рано пришел, – сказала она, открыв дверь. На ней было платье из атласа цвета слоновой кости, обтягивающее ее так, что казалось, будто ее тело было покрыто густыми сливками. Длинные белокурые волосы были распущены и спускались локонами на плечи.

– Привет, Малин, – улыбнулся я.

– Заходи, – пригласила она.

Позже, сидя за столом в зале заседаний совета директоров, я наблюдал за шестью молодыми шведами, которые просматривали мой ролик. Он состоял из нескольких отснятых ранее видеоматериалов и новых съемок. Я знал, что это была хорошая работа. Я умею работать с камерой. Мне не раз говорили, что я прекрасно справляюсь с синхронизацией кадров. Да, у меня талант к этому.

Я пил маленькими глотками эспрессо из светло-зеленой чашки.

– Великолепно, – прокомментировал креативный директор, – очень динамично.

– Думаю, у меня хорошие перспективы, – сказал я. – Особенно учитывая мой опыт.

Было совсем нетрудно делать самому себе рекламу. Притворяйся, пока сам не поверишь, вот и все.

– Здесь написано, что вы преподавали в Колумбийском университете.

– Да, – подтвердил я.

– Почему вы решили поменять карьеру?

– Понимаете, – криво улыбнулся я, – после многих лет обучения молодых людей начинаешь понимать, что твоя жизнь движется в обратном направлении. Они уже все знают, а ты становишься каким-то динозавром с куском мела в руке.

«Да, а еще меня уволили», – мог бы я добавить к сказанному.

Они рассмеялись. Достойный ответ. Располагающий к себе и не слишком самоуверенный. Хорошая заготовка.

– Вы также много работали в жанре антропологического кино?

– Да, некоторое время. В основном в начале своей карьеры, когда снимал в Африке. Но я всегда мечтал создать свой фильм. Поэтому вернулся к документалистике.

Они посмотрели на меня, и я улыбнулся. И, хотя им всем не исполнилось и тридцати, они выглядели невозмутимыми и настолько уверенными в себе, будто были главными исполнительными директорами пятисот крупнейших промышленных компаний США из списка журнала «Fortune».

– Шипованные шины. Необходимо сделать рекламный ролик для компании, которая производит шипованные шины.

– Замечательно, – сказал я. – Звучит заманчиво.

Прозвенел мобильный телефон, и продюсер поднялся, чтобы ответить на звонок. Перед тем как попрощаться со мной, он положил на стол передо мной визитку.

– Извините, – произнес креативный директор, – мы сейчас очень заняты – работаем над крупным проектом. Не можем надолго отвлекаться.

Я понял, что пора уходить. Я закрыл свой ноутбук, встал и придвинул стул к столу.

– Мы с вами свяжемся, – сказал он, пожимая мне руку.

– Как прошла встреча? – спросила Мерри, когда я вернулся домой.

– Хорошо, – ответил я, – действительно хорошо.

– Чудесно, – просияла она.

Жена держала на руках Конора, которого только что искупала и собиралась укладывать спать. Глаза у него были красные, словно он долго плакал.

– Как у вас прошел день? Хорошо? – спросил я.

– Да, конечно, – сказала она. – Лучше и быть не может.

Мерри

Обычно Сэм не занимается домашними делами, но вчера он неожиданно предложил искупать ребенка. Потом, завернув его в полотенце, муж вышел из ванной комнаты.

– Эй, посмотри, что это?

Он приподнял полотенце и показал мне бедра ребенка. Тогда я впервые заметила пятна на его коже – четыре маленьких синяка.

– Странно, – сказала я и сглотнула.

– Может, ему мала одежда? – предположил Сэм. – Как ты думаешь?

– Вполне вероятно, – ответила я. – Да, скорее всего. Мне следовало купить ему уже следующий размер.

– Хорошо, займись этим прямо с утра, – кивнул Сэм.

– Обязательно. Завтра первым делом поеду за новой одеждой для него.

Итак, сегодня мне разрешили взять машину, чтобы купить одежду для ребенка. Сэм остался с Конором, а я отправилась в Стокгольм. Ехала с включенной музыкой и открытыми окнами, вдыхая теплый воздух середины лета. Чем больше я отдалялась от нашего островка, тем сильнее меня охватывало радостное возбуждение и пьянящее чувство свободы. По такому случаю я принарядилась – надела легкую летнюю юбку с цветочным рисунком и блузку без рукавов.

Приехав в Стокгольм, я припарковала машину и посмотрела на себя в зеркало. Распустила и встряхнула волосы, накрасила ресницы, провела помадой по губам. Все, превращение состоялось. Мне потребовалось немного времени, чтобы дойти до кафе в Сёдермальме, о котором я прочитала в журнале.

Иногда я листаю туристические журналы и представляю, как по-другому могла бы сложиться моя жизнь. Я могла бы, например, попивать джин с тоником в недавно открывшемся коктейль-баре в Барселоне или проводить ночи в лучшем бутике-отеле Рима.

Я взяла с прилавка английскую газету, села за столик у окна и притворилась, что читаю. Мне нравится наблюдать за городскими жителями. Они все красивые и ухоженные. У них чистая кожа, живые глаза, блестящие волосы. Они подтянуты и хорошо сложены. Ничего лишнего. У них ничего не оттопыривается и не болтается. Не натягиваются и не расходятся швы на одежде, которая, кажется, даже никогда и не мнется. Не только наши соседи – Карл и Эльза, – вся страна такая.

Безукоризненная Эльза. Пожалуй, стоит пригласить ее к себе на так называемую шведскую фику – кофе с булочками, в которые добавлены кардамон и корица. Попытаться подружиться с ней. Мы могли бы обмениваться рецептами пирогов, обсуждать воспитание детей. Возможно, я бы поговорила с ней о том, как ухаживать за своей кожей. Впрочем, я сама не знаю, как правильно надо за ней

следить. У меня бы появилась еще одна подруга, помимо Фрэнк.

Сэм постоянно спрашивает, радуюсь ли я, что она приедет. Я пытаюсь изобразить восторг. Хотя я действительно жду ее. Хочу похвастаться ей, как прекрасно мы живем, показать, чего я достигла. Пусть сама увидит, кто из нас добился большего успеха.

Но в глубине души я чувствую тревогу. Фрэнк всегда понимает больше, чем ей следует. Полагает, что знает меня лучше, чем кто-либо, даже, возможно, чем я сама. Считает это своей победой надо мной. В своих попытках вмешиваться в мою жизнь она похожа на ребенка, который тыкает палкой в выброшенного на берег мертвого тюленя и ожидает, что из него что-то выползет. Ку-ку! Я тебя вижу!

Она постоянно копает и копает, все глубже и глубже. «Вот ты кто на самом деле, – многозначительно говорит она. – Я знаю тебя настоящую». Непонятно, что она имеет в виду.

Я наблюдала за девушкой, сидящей за столиком напротив меня. Должно быть, ей чуть больше двадцати. Хорошо одетая изящная блондинка. Она ела булочку с корицей, отправляя вилкой в рот маленькие кусочки сдобы и слегка прикасаясь пальчиком к губам, чтобы очистить их. Девушка разговаривала с мужчиной значительно старше ее. Судя по всему, ему было не меньше сорока. Он был одет в серый кашемировый свитер и темные джинсы. Так же, как и я, он внимательно наблюдал за ее движениями, провожал взглядом вилку, направляющуюся ко рту, и любовался, как ее пальчики танцевали на алых губах. В какой-то момент она коснулась его руки непринужденным и дружеским жестом, совершенно невинным. Однако мне показалось, что сквозь мужчину будто прошел разряд электрического тока.

Она что-то показывала ему своими длинными пальцами на экране ноутбука. Обручального кольца не было, только на указательном пальце виднелось тоненькое золотое кольцо с маленьким топазом в центре. Мужчина сосредоточенно кивал, пока девушка говорила. Она что-то писала в блокнот, лежащий рядом с ее чашкой. Он наблюдал, как она делала глотки и облизывала губы, чтобы на них не оставалось следов кофе. Что это? Любовь или просто увлечение, кто знает?

В кафе вошла пожилая женщина. Заказав у бариста кофе и сандвич, села за столик у окна. Она выглядела безупречно. Белые брюки, туфли-лодочки, сережки с жемчугом. Судя по всему, ей уже исполнилось шестьдесят, а может, даже и больше. И тем не менее она была красивая и стильная, без всяких следов подтяжки или липосакции. Удивительно, как женщинам этой страны удается так изысканно и грациозно стареть.

Я вспомнила свою мать и то, как постепенно преображалось ее лицо, которое в конце концов стало выглядеть смешно и некрасиво. Многие годы она неистово пыталась предотвратить неизбежное старение. Раз в несколько месяцев придумывала что-то новое. Густо подводила внешние уголки глаз. Ей удаляли лишнюю кожу на лице, а потом натягивали и подшивали высоко над висками. Жир из накопленных жировых отложений высасывали и пересаживали в щеки и губы. Грудь подтягивали, специальным насосом выкачивали жир из живота.

В детстве я обожала наблюдать, как она готовилась к выходу в свет. Отца часто приглашали на разные рауты, благотворительные обеды, балы и презентации чего-нибудь общественного, например, очередного крыла больницы. Все было продумано до мелочей. Она долго и тщательно накладывала макияж, терзала свои волосы, укладывая их в высокую прическу. Потом втискивалась в платье на два размера меньше, которое бы подошло женщине младше ее лет на двадцать.

– Ты такая красивая, – обычно говорила я ей.

– Нет, я недостаточно хороша, – всегда отвечала она. Но иногда добавляла: – Это было раньше, до того, как ты родилась.

Было много всего, в чем мать меня упрекала. Я должна была чувствовать свою вину за то, что у нее испортилась фигура, истончились волосы, обвисла кожа, за то, что отец перестал обращать на нее внимание.

Он ни разу не попытался уговорить ее отказаться от пластических операций. Наверно, он ей мстил таким образом.

Сэм любит меня такой, какая я есть, он, по крайней мере, так говорит. Это значит, что я обязана быть стройной, ухоженной, делать депиляцию, очищать кожу скрабами и лосьонами, чтобы она была гладкой и блестящей, как у спелого плода.

Однажды, в самом начале наших отношений, он даже меня побрил. Заставил встать в ванне, сам сел подо мной и стал медленно выбривать волосы между моими ногами. «Я хочу, чтобы ты выглядела вот так», – сказал он.

Я с восторгом посмотрела вниз, на свое обновленное тело. Меня любят, подумала я тогда, именно так чувствуют себя те, кого любят.

В течение шести лет нашей семейной идиллии я встаю рано утром, пока Сэм еще спит и видит сны. Я чищу зубы, освежаю лицо и расчесываю волосы. Выщипываю брови, слегка подкрашиваю ресницы, выдергиваю волоски, растущие над верхней губой, срезаю кутикулы и ороговевшую кожу с пяток, которые потом смягчаю кремом. Крашу ногти лаками разных цветов, в зависимости от сезона. Сбриваю все волосы со своего тела, увлажняю и смягчаю кожу. Опрыскиваю себя духами, мажу подмышки дезодорантом, пользуюсь салфетками для интимной гигиены, чтобы источать запах цветов, а не женщины. Все это я делаю для того, чтобы, проснувшись, Сэм увидел меня свежей и ухоженной и чтобы я была в полной боевой готовности, если он меня захочет. «Я – твоя, – говорю я, – вся твоя».

Но это ложь. Маленькую частичку себя я приберегаю для самой себя.

Где-то около полудня я почувствовала, что проголодалась. Я покинула кафе и пошла по мощеным тихим улочкам, освещаемым ярким солнцем. Какой приятный очаровательный город, подумала я. Нью-Йорк совсем не такой и никогда не сможет быть таким. Здесь совсем другая атмосфера, другие люди, которым чужды разврат и жестокость. Они не знают, что такое нищета и тоска. Они открыты и доброжелательны.

На улице Гётгатан я нашла кафе, в витрине которого аккуратным рядочком были выставлены румяные пироги. Зашла вовнутрь, сделала заказ и села за маленький столик в углу. Официантка принесла пирог и салфетку, разложила столовые приборы.

– Спасибо, – я поблагодарила ее по-шведски, и она мило улыбнулась в ответ. Пирог оказался нежным и не слишком тяжелым. Было приятно и непривычно есть в одиночестве, и я испытывала давно забытые ощущения из другой жизни.

Расправившись с пирогом, я заказала кофе, чтобы продлить удовольствие. Кафе постепенно заполнялось людьми. Я заметила, что официантка смотрит в мою сторону. Она подошла.

– Вы не будете возражать, если тот мужчина сядет за ваш столик? – поинтересовалась она.

Это тот самый мужчина, которого я уже видела раньше.

– Можно? – спросил он, указав на стул напротив меня.

– Конечно, – улыбнулась я.

– Вы – американка, – сказал он, сев на стул.

– К сожалению, да, – ответила я.

Он рассмеялся. Я попыталась повторить движения той девушки, за которой я недавно наблюдала. Как она нежно и неторопливо касалась своих губ. Я провела пальцами по своим губам, наблюдая за его реакцией. Он не сводил с меня глаз.

– Что вы здесь делаете? – спросил он. – Приехали сюда по делам или отдохнуть, поразвлечься?

– О, я всегда развлекаюсь, – улыбнулась я. И снова дотронулась пальцами до своих губ.

– Вы мне кого-то напоминаете, – сказал он.

– Я так часто слышу эти слова.

– Вы в отпуске?

Я сделала паузу.

– Мне нужно уладить здесь кое-что, – сказала я.

Мне хотелось казаться таинственной и загадочной женщиной, которая могла бы свести с ума такого мужчину, как он. Я сделала маленький глоток кофе и опять коснулась губ. Потом грустно улыбнулась, внезапно отвернулась и рассеянно посмотрела на улицу, будто вспомнила о своей тайне или душевной боли.

Естественно, он проглотил наживку. Я заметила, что, наблюдая за мной, он заерзал на своем стуле.

* * *

В Нью-Йорке я проделывала нечто похожее неоднократно. В большом городе это очень просто. Практически невозможно встретить одного и того же человека дважды. Он каждый раз будет выглядеть по-другому в зависимости от того, что делает и где находится, – гуляет ли по парку, бродит по залам музея «Метрополитен» или коротает часы в публичной библиотеке. Сама я была женщиной в красном платье или синем пальто, могла надеть шарф с рисунком из красных губ. Я была адвокатом, аспиранткой, акушеркой, антропологом, владелицей галереи. Меня звали Доминикой, Анной, Леной или Франческой. Я была каждой из тех женщин, но только не Мерри. В такие моменты я получала истинное наслаждение, которым ни с кем не делилась. Это представление было предназначено исключительно для меня. Мое тайное развлечение. Только однажды оно зашло слишком далеко.

Когда я была еще маленькой девочкой, я больше всего любила вертеться перед зеркалом в ванной комнате. Время от времени воровала у мамы помаду или кое-что из ее украшений. Представляла себя моделью, актрисой, иногда девушкой, сгорающей от любви к своему возлюбленному, или обманутой женой. Мне нравилось наблюдать за своими превращениями. Пыталась разговаривать разными голосами с разными акцентами, придавать лицу разные выражения. Я могла играть эти роли часами напролет, и мне такое занятие никогда не надоедало, впрочем, как и сейчас. Вероятно, у меня талант перевоплощения, способность входить во всевозможные образы и выскальзывать из них, словно они были платьями, которые висели в шкафу и ждали, когда их наденут и начнут в них кружиться.

– Кстати, я – Ларс, – сказал мужчина.

Он протянул мне руку и задержал в ней мою. Пока Ларс обедал, я развлекала его историями о своей недавней поездке на Мальдивы.

– Представляете, – смеялась я, – провести две недели на тропическом острове, имея в своем распоряжении только зимний гардероб мистера Олега Карпалова!

– На каком острове? – спросил он.

Я попыталась вспомнить, что Фрэнк написала в своем письме, но не смогла. Быстро взглянула на часы.

– Мне нужно идти, – сказала я.

Ларс поймал мое запястье:

– Подождите. Дайте мне номер вашего телефона.

Он вытащил из кармана свой мобильный и вбил цифры, которые я продиктовала.

Я улыбнулась.

Победа!

Было уже поздно, и я должна была поспешить в универмаг на улице Дроттнинггатан. Мне нужно было снова превратиться в Мерри. В отделе товаров для малышей я набрала ворох одежды и повесила на руку. Футболки, миниатюрные брючки чинос, шортики карго с динозавриками на карманах, крошечные спортивные штаны и пижамные брючки.

Прозвенел телефон, и у меня упало сердце.

– Где ты? – спросил Сэм. – Я думал, что ты к этому времени уже вернешься. – В его голосе звучало раздражение.

Мне пришлось оправдываться:

– Я долго искала нужный магазин. Ты же знаешь, я так плохо ориентируюсь в городе.

– Ладно, возвращайся быстрее, – буркнул он.

– Хорошо, Сэм, – сказала я, еще раз извинившись, прежде чем отключить телефон.

Я заплатила за покупки и заскочила в дамскую комнату. Смочила бумажное полотенце и стерла остатки своего макияжа, стоя перед зеркалом под белым ярким светильником. Было слышно, как в одной из кабинок рвало женщину. Наверно, пищевое расстройство, подумала я, хотя причина могла быть и другой.

* * *

Я направилась к машине и поняла, что действительно заблудилась среди мощеных переулков, оформленных со вкусом фронтонов магазинов, причудливых бутиков, антикварных магазинов, слившихся в однообразную смазанную картину: безупречно чистые улицы, вежливые прохожие, слишком организованный поток пешеходов и транспорта. Пьянящее ощущение свободы, ранее охватившее меня, отступило. Грудь сдавило, улицы сужались вокруг меня до своих обычных размеров. Я почувствовала, как за мной захлопнулась клетка. Я не хочу расстраивать Сэма. Всякий раз, когда он считает, что я делаю что-то не так, меня переполняет ужас.

Наконец я нашла стоянку. На входе старая цыганка просила милостыню. Она цыкнула зубом и погрозила мне пальцем. Словно ведьма, насылающая проклятие.

Я очень быстро доехала домой. Как только вернулась, Сэм вручил мне ребенка.

– Он голодный. И его надо искупать.

Муж даже не поцеловал меня.

Я посмотрела на телефон и увидела сообщение от Ларса. Сразу удалила его и занялась ребенком.

Сэм

Сегодня утром пришло письмо от парней из Уппсалы. Они наняли другого режиссера для рекламы шипованных шин. Гребаные придурки. Черт возьми, я был лучшим на курсе, получил диплом с отличием. Гранты, стипендии, должности. А теперь что?

Все в порядке. Я своего добьюсь. Не сдамся. Буду продолжать.

Из студии услышал хныканье Конора. Несколько дней подряд он не переставал капризничать.

– У него режутся зубы, – объяснила Мерри, уверяя, что все нормально. Она прочитала об этом в книге для родителей, которую я ей купил.

– Давай отправимся на долгую прогулку, – предложил я.

Хочу, чтобы Мерри делала как можно больше физических упражнений и держала себя в тонусе. Ей надо сбросить лишние килограммы, которые она набрала во время беременности. Нужно просто приучить себя к дисциплине, вот и все, обычно говорю я.

Я усадил Кона в рюкзак, который водрузил себе на плечи. Мерри надела на голову ребенка панамку и смазала его солнцезащитным кремом, а заодно и мою шею, чтобы та не обгорела.

Мы заперли за собой дверь и пошли по лесной тропинке вдоль заповедника. День был теплым, но не жарким. Тишину нарушало лишь жужжание насекомых и щебетанье птиц.

– Пот пойдет нам только на пользу, – сказал я, выбрав для прогулки один из самых трудных маршрутов.

Мерри шла позади нас. Я слышал ее тяжелое дыхание.

– Как здесь красиво, – сказал я. – Летом здесь просто потрясающе.

Мерри промолчала.

– Дорогая?

– Сэм, я постоянно это твержу, разве не так? Это красиво. Это чудесно. Это изумительно.

– Господи Иисусе! – воскликнул я. – Надеюсь, ты не забеременела в этом месяце.

– Что?

– Расслабься, – произнес я, – я шучу. Очевидно, ты испытываешь тяжелый предменструальный синдром, правда? Просто у тебя дурное настроение. Гормоны играют, – со смехом добавил я. – Вы, женщины, такие впечатлительные. И при этом считаете, что можете править миром.

Я продолжил путь, оставив Мерри наедине с терзавшими ее мыслями. Не хочу потакать таким ее настроениям. Да она и сама знает, что мне это не нравится.

Утро вторника, а я гуляю с ребенком в рюкзаке за спиной. Вот такая теперь у меня жизнь в Швеции. Транскультурация. Это – антропологический термин. Он означает процесс адаптации эмигрантов к новым условиям жизни и, в частности, к культурным традициям.

Профессор. Я любил, когда меня так называли. Но здесь это звание не имеет ни малейшего значения. Эй, профессор Херли, а не хотите ли направить камеру на шипованные шины?

Конор начал хныкать, и я остановился, чтобы взглянуть на него.

Мокрый от пота он стянул с головы панамку. Подошла Мерри.

– Ему жарко, – сказал я.

– С ним все в порядке, – ответила Мерри, – просто хочет пить.

Она дала ему бутылочку, и тот сразу высосал из нее всю воду. Жена смочила тряпочку и положила ему на шею, чтобы охладить кожу.

– Ты просто чудо, мамочка, – похвалил ее я, – всегда знаешь, что надо делать.

– Прости за то, что произошло. Возможно, ты прав. Это действительно, должно быть, ПМС.

Мы пошли по тропинке назад и спустились к озеру.

Я наклонился, чтобы попробовать рукой воду.

– Ледяная, – сказал я. – Через пару недель нагреется.

Мерри стояла как вкопанная, не отрывая глаз от бесконечной голубой глади озера.

– Раздумываешь, стоит ли войти? – спросил я, поддразнивая ее.

– Что-то вроде того, – неясно ответила она, постояла еще, целиком уйдя в свои мысли.

Вернувшись домой, Мерри приготовила легкий ланч – сыр, свежий хлеб и салат. Она до сих пор выглядела рассеянной – забыла положить лимон в мою содовую и заправить маслом салат.

– Ты сегодня сама не своя, – сказал я. Мне показалось, что она съежилась.

– Прости, Сэм, не знаю, что со мной происходит.

– Фрэнк уже написала, когда приедет? – спросил я, пытаясь поднять ей настроение.

– Нет еще, – ответила она, покачав головой. – Очевидно, пытается закончить дела на работе, чтобы уйти в отпуск.

– Вкусный хлеб, – произнес я, и она улыбнулась.

– Я опробовала новый рецепт.

– Ах, какая у меня женушка, – воскликнул я, – постоянно превосходит саму себя.

Мерри засияла.

«Время от времени ее необходимо поощрять, – подумал я. – Или она потеряет уверенность в себе и начнет увядать».

– Кстати, – сказал я, – я получил эту работу.

– О, Сэм! – воскликнула она. – Я была уверена, что тебя возьмут.

После ланча Мерри уложила Конора спать, вынесла пару одеял и расстелила их на лужайке.

– Мы тоже можем немного вздремнуть здесь? – Она улыбнулась и, как обычно, когда смотрела на меня, прищурилась, словно от яркого света.

– Мерри, – сказал я, – сейчас полдень, вторник. Мне надо работать.

Я оставил ее в одиночестве на пустой лужайке и вошел в дом. Сидя в затемненной студии, я смотрел видео, записанные другими людьми, на тридцатидюймовом мониторе, который купил в ожидании нового взлета моей карьеры. Проверил электронную почту. В одном из писем было предложение принять участие в конкурсе, чтобы получить грант. Должно быть, старая рассылка.

Где-то через час я поднял жалюзи и посмотрел в окно. Мерри все еще сидела на одеяле, скрестив ноги, лицом к дому. Довольной она совсем не выглядела. Не чувствовалось, что она отдыхала. Ни малейшего признака удовольствия на лице. Вообще никакого выражения.

«Как же я люблю эту женщину», – подумал я.

Мерри

Я лежала в ванне, погрузившись в воду, которая успела уже остыть. Мое тело, невесомое и распухшее, было под водой, но было готово всплыть в любой момент. Трупы, которые всплывают, трудно узнать. Они раздутые и вспученные, совсем не похожие на тех, кем были раньше. Я содрогнулась, а потом замерла, погрузившись на дно ванны. Бледная, хрупкая, невесомая. Я почти не занимаю места.

Из зеркала на меня смотрели мамины глаза – те ее прежние, которые еще не кромсали пластические хирурги за то, что в них поселилась грусть, а вокруг залегли морщинки. Впрочем, может, там никогда и не было грусти, только лютая злость, которую она пыталась замаскировать. Злость на отца, проводившего все дни на работе, а ночи с другими женщинами.

Часто говорят, что девочка обычно ищет мужа, который напоминает ей отца. Надеюсь, что это неправда. Иногда я думаю, что делает Сэм в своих долгих служебных поездках, оставив меня с ребенком на нашем острове. Я предоставлена сама себе и вынуждена выполнять свои неприятные обязанности. У него, мягко выражаясь, тяга к походам налево. Такое и раньше бывало. Но я никогда не осмелюсь упомянуть это при нем. Не осмелюсь подвергнуть сомнению, что он не тот, за кого себя выдает, что он другой, не такой уж и идеальный. Как бы то ни было, мне-то что? Разве у меня есть право его судить? Я сама далеко не безгрешна.

Во всех смыслах не без греха.

* * *

Я смотрела, как колышутся и раскачиваются мои голые груди. Они чуть обвисли, увеличились и округлились. Сэм благоговейно гладит их.

– Сейчас это – груди матери, – говорит он, будто они наконец выполнили свое божественное предназначение.

Целых полгода я кормила младенца грудью, терзая ее, чтобы выдавить молоко из потрескавшихся и набухших сосков. Иногда было так больно, что не могла не кричать. А ребенку было все равно.

В больнице сразу после того, как он родился, медсестры заставляли меня взять его, приложить к груди, чтобы между нами образовалась крепкая связь. Захватил сосок ртом, стал сосать. Кормление. Все происходило так примитивно, открыто. Тебе доказывают, что ты – обычное животное, каким всегда и был на самом деле.

Корова. Свиноматка. Самка. Кровоточащая и обезображенная.

Лежа на моих руках, нежно-розовый, словно молочный поросенок, младенец постоянно пытался найти мои соски.

Молоко никак не прибывало. Тело не хотело подчиняться новой цели. Медсестры приносили различные молокоотсосы, потом привели консультанта по лактации по имени Ева. Она дала мне маленькие белые таблетки, посоветовала крепко прижимать к себе новорожденного, обеспечивая контакт «кожа к коже», и стараться, чтобы его беззубый ротик находился как можно ближе к моей лишенной молока груди.

Как мне здесь живется? Я все еще не знаю. Чувствую, как с каждым днем из меня по капле вытекает жизнь, тоненькими, почти невесомыми струйками: то тут, то там. Срываюсь. Порой причины могут быть абсолютно безобидными, как, например, непрекращающийся восторг Сэма по поводу нашей новой прекрасной жизни, его постоянное восхищение ребенком – его улыбкой или произнесенным им словом, которое с трудом можно разобрать. Однако иногда наступает момент, когда я мельком вижу свою жизнь, отражающуюся в зеркале или стекле. Это – ты. Это – твоя жизнь. Это – твоя порция счастья и радости. Картинка без изъянов, но все в ней как-то не так.

Если закрыть глаза, то ничего не будет видно.

Нет. Я вижу Фрэнк.

Ясно, четко. Абсолютно уверенную в себе, энергичную, проницательную. Она – истинная женщина, а я – какое-то расплывчатое пятно, неспособное держать четкую форму.

Но все же Фрэнк постоянно придавала этому пятну очертания, чтобы помочь мне понять, что я из себя представляю. Просто издалека, оттуда, где она находилась, картинка моей жизни смотрелась более эффектно, чем была на самом деле. Было чему завидовать, к чему стремиться и испытывать страстное желание, которое никогда не будет исполнено. Моя лучшая подруга? Должно быть, да.

Я села на диван в гостиной и составила список дел, чтобы приготовиться к ее визиту. Нужно было купить новое постельное белье, подушки «с эффектом памяти» и многое другое, в том числе плетеные корзины и суккуленты в каменных горшках, чтобы комната стала уютнее. Возможно, стоит повесить на стены графические или абстрактные эстампы или репродукции в рамках. Или подобрать написанную чернилами картину в одном из магазинов дизайнерских товаров для дома в Сёдермальме.

Я почувствовала, что за мной наблюдают. Со стены на меня пялились шесть пар пустых глазниц масок Сэма, страшных и зловещих. Однажды я сняла их и проверила, спрятаны ли за ними камеры – видеоняни, которые родители используют, чтобы следить за нянями своих детей. Тогда мне неожиданно пришла в голову мысль, что Сэм, возможно, наблюдает за мной с целью убедиться, что я обладаю всеми необходимыми родительскими навыками. Он любит держать все под контролем. Взяв маски в руки, ощутила слабый запах разложения, исходивший от них. Никаких камер там не оказалось, тем не менее маски продолжают приводить меня в смятение, напоминать, что я нахожусь под пристальным вниманием. А скоро еще одна пара глаз будет за мной наблюдать.

Пришло время кормить ребенка. Я зашла в его комнату. Он протянул ко мне ручки в предвкушении, что я возьму его. Как обычно, я стояла и смотрела на него, надеясь что-то почувствовать.

Боюсь, это заложено у меня в генах. Материнские инстинкты, а точнее, их отсутствие. Не могу вспомнить, чтобы Морин держала меня на руках. Когда мне исполнилось полгода, мать оставила меня с няней и поехала на месяц в Швейцарию, чтобы пройти курс похудения. Каждый раз, когда я плакала, мать

закатывала глаза и говорила: «Мерри, поверь, ты только делаешь себе хуже».

Только благодаря Кэрол, маме Фрэнк, я поняла, что значит быть любимой и иметь маму. Как же я ее боготворила! Мне нравился запах ее кухни, ее спокойствие и сила. Я обожала, когда она меня обнимала, рассеивая все мои тревоги. Моя мать обычно оставляла меня в их доме, будто тот был детским садом, махала Кэрол из машины рукой в знак приветствия, потому что не хотела заходить в потрепанную гостиную в Брентвуде. Они познакомились через своих мужей, которые вместе работали в медицинском центре. Мой отец был главным хирургом больницы, а отец Фрэнк – гинекологом.

Как только я выходила из машины, мать тут же разворачивалась, спеша к своим подругам на ланч или на процедуру, чтобы продлить молодость и сохранить красоту. Парикмахерская, маникюрный кабинет или спа-салон. Иногда, после того как отходила после очередной процедуры или запоя, она исчезала на несколько дней в одной из наркологических клиник. «Кэрол, ты – лучшая», – обычно щебетала ей мать, но всякий раз, встречаясь с ней на каком-нибудь светском мероприятии, делала вид, что они незнакомы.

Я мечтала, чтобы однажды мать не вернулась. Тогда я бы осталась с Кэрол, с наслаждением ощущая ее объятия, засыпая под звучание ее южного тягучего акцента. Там я чувствовала себя в безопасности и гораздо лучше, чем у себя дома. Там было тепло и спокойно. Когда мать приезжала за мной, мы обе бросали друг на друга разочарованный взгляд, как бы говоря: «Снова ты».

Ребенок в кроватке переключил свое внимание на плюшевого медведя. Казалось, они вели между собой какой-то только им понятный диалог.

Я наблюдала. Представила, как Фрэнк впервые увидит моего сына. Его мягкие кудряшки, которые начинают собираться за ушами, радостную улыбку, обнажающую острые белые бугорки – прорезавшиеся зубы, блестящие глаза. Толстый животик. Конор так любит, когда ему его щекочут. Пухлые ручонки, которые хватают и тянут все, до чего могут дотянуться. Почувствует, как он пахнет, когда его только что искупают или когда он крепко спит. Услышит, как он тихо сопит, ощутит эти влажные поцелуи и крошечные ручки, которые с такой теплотой обнимают тебя за шею.

Мой ребенок. Мой сын.

Я подняла его на руки, выражая всю любовь, на какую была способна.

Сэм

– О, Сэмсон, ты меня обманываешь, ты не можешь быть там счастлив! – Моя мать звонила из Штатов. – Сэмсон, я тебя знаю, как никто другой.

– Я уже говорил тебе, мама, здесь просто замечательно! Я буду рад, если ты приедешь и сама в этом убедишься.

Слава богу, она этого не сделает.

– Ой, боюсь, перелет слишком долгий для меня, – отвечает она.

– Но ты же еще не видела своего внука.

Даже это не может ее убедить. Она не может смириться с тем фактом, что я уехал от нее. Ей хочется наказать меня за это. Или, может быть, до такой степени ненавидит Мерри, что не хочет видеть нашего сына.

– Эта чертова Ида, – вздохнула она.

– Она оставила мне дом, – возражаю я. – Она была славной женщиной.

– Ой, я тебя умоляю! – проворчала мать в ответ. – Это именно благодаря ей я тут совсем одна, а ты – за тысячу миль от дома.

– Это низко, мама, – упрекнул я ее.

– Да эта Ида была подлой манипуляторшей! Я всегда это говорила! Только выйдя замуж за моего отца, она смогла остаться в стране. А потом она проделывает этот фокус – оставляет моему сыну дом, чтобы он переехал на другой конец света! Все они одним миром мазаны!

– Кто?

– Женщины.

Повисло молчание.

– Сэмсон, – медленно произнесла мать. – Я тут на прошлой неделе играла с Майрой в бридж.

Я затаил дыхание.

– Ты помнишь ее дочь? Джози Раштон, из Колумбийского университета?

Она помолчала.

– Это пустые сплетни, – поспешил сказать я, зная, что последует за этим.

– Но она сказала, что тебя…

– Сплетни, – прервал я.

– Она сказала, что ты именно поэтому уехал. Но это же не так, правда? Ты же не убегаешь от проблем? Я знаю, это не первый раз. Я знаю, что тебе нравится твоя…

– Мне пора бежать, мама, – сказал я и отключил телефон.

Я вышел во двор. Звонки матери обычно этим и заканчиваются: она приводит меня в бешенство. Я открыл дверь сарая в углу сада. Внутри до сих пор громоздились коробки с вещами Иды. Газонокосилка, каноэ, которое нужно ободрать и покрасить. Список предстоящих дел просто бесконечный. По крайней мере хоть дом теперь пригоден для жилья и сад под контролем.

Боже, я вспоминаю тот день, когда мы приехали и увидели, в каком состоянии все вокруг! Заколоченный дом чуть не разваливается на части, сад запущен, непроходимые заросли колючего кустарника вперемешку с трухлявыми сухими

деревьями, повсюду торчат острые сучья, будто готовые разорвать непрошеных гостей на куски. Мерри беременная, и я в изумлении брожу кругами, словно надеюсь, что все само упорядочится и встанет на свои места. Удивительно, как мы не сбежали тогда.

Дом был совершенно непригоден для жизни. Кое-какая оставшаяся после Иды мебель была накрыта чехлами, на ней лежал толстый слой бурой пыли. Окна разбиты, кое-где с крыши падала черепица. Мы завязали рты шарфами и стали один за другим снимать чехлы и накидки с мебели, распахнули настежь окна и двери, чтобы свежий шведский воздух сделал свою работу. Я сразу понял, что совсем не предусмотрел доставку кроватей, полотенец и кухонной утвари. Не подумал о том, что нужна вода, электроэнергия и теплые одеяла на случай холодов. У нас ничего этого не было. Не на чем было спать. Не было еды, негде было присесть отдохнуть после почти целых суток, проведенных в аэропортах и на борту самолета.

– Что мы здесь делаем, Сэм? – спросила Мерри, и в ее испуганных глазах заблестели слезы.

Она впервые так на меня смотрела. Словно не была уверена, что я смогу ответить на ее вопросы.

Мы поехали на арендованной машине в город, объездили три гостиницы, прежде чем нашли свободный номер. Потом оставили вещи в машине, нашли маленькое кафе на главной улице и заказали бургеры и молочные коктейли. В два часа дня мы вернулись в номер и сразу легли спать. Мы проснулись только на следующий день, ближе к вечеру, хотя по идее из-за смены часовых поясов мы должны были всю ночь бодрствовать.

На третий день мы встали рано утром и поехали в большой супермаркет на окраине города. Мы загрузили в машину чистящие средства, продукты, свечи и пару дешевых пляжных полотенец. Позже в тот же день нам подключили водоснабжение и электричество, а потом мы принялись усердно работать швабрами, тряпками, щетками для мытья окон, полиролями. Мы скребли и натирали каждый уголок, каждую щелку в доме. Мы собрали всю пыль, вымыли, вычистили все до единого пятнышка, все починили и восстановили. Вкрутили новые лампочки, проверили старые холодильник и плиту, раскрутили все краны. Прочистили все трубы и вымыли огромные окна водой с мылом. Мы вместе составляли огромные списки того, что нужно купить в каждую комнату, что

нужно отремонтировать, что сделать. И каждый раз оказывалось, что чего-то еще не хватает.

Мы купили автомобиль в автосалоне в Уппсале, съездили в ближайший мебельный магазин IKEA. Потом пришлось довольно часто ездить в хозяйственный магазин и садовый центр. Я собрал детскую кроватку и покрасил стены детской комнаты. Поставил туда одно из старых кресел Иды – мы купили шерстяной плед и подушечки, чтобы в нем было удобно сидеть. В Стокгольме мы приобрели коляски и автокресло, кресло на колесах, сумки для подгузников, термометры и разные развивающие игрушки-погремушки. Цены в кронах заставляли наши сердца обливаться кровью, но мы доверху загружали тележку для покупок и пользовались банковской карточкой.

Я купил тачку и инструменты, дрель и лестницу для ремонта крыши. Пот стекал ручьями; я повязал на лоб бандану и снял рубашку. Типичный альфа-самец, настоящий хозяин. Мне нравилось, как-то даже возбуждало.

На участке я выполол все сорняки и вырубил кусты, которые выросли уже по пояс. Подогнал по размеру все рамы, обложил кирпичом и починил рухнувшие стены теплиц для овощей.

Обливаясь потом, чинил, мастерил, приводил все в божеский вид. Постепенно, шаг за шагом, выстраивал наши жизни заново.

«Ты меня обманываешь, ты не можешь быть там счастлив».

Моя мать отказывается верить, что любой американец может быть счастлив где угодно, кроме Америки. Она отправляет нам посылки из Штатов – все, чего, по ее мнению, нам тут не хватает. Пачки макарон, пакеты полуфабрикатов с сыром, шоколадное печенье, острый соус. В последнюю посылку она вложила американский флаг, на всякий случай. Как напоминание.

– Ты – единственное, что у меня было, сынок. А теперь ты уехал. С этой женщиной.

Женщины, женщины, женщины. Всегда дело в женщинах.

Если подумать, больше всего меня в них привлекает то, как они выглядят, когда причиняешь им боль. Ты словно слышишь хруст, когда в душе у них что-то надламывается. Внутри даже самой сильной женщины всегда прячется маленькая девочка, которая отчаянно хочет, чтобы ты в ней что-то заметил, отличил среди всех прочих. Она так жадно к этому стремится, что сделает все, что ей скажешь. Выполнит любое, самое низменное твое желание.

Ты жестокий человек, Сэм.

Я слышал это не один раз. Но это всегда приятно – сам не знаю почему.

В старом сарае Иды я нашел коробку с надписью «железная дорога», достал запрятанную там бутылку и сделал большой глоток. Потом еще один. Я рассматривал деревянные паровозики. Они, вероятно, принадлежали брату Иды, с которым была связана какая-то история, – я не помнил точно, какая именно. То ли он утонул в озере, то ли его укусила пчела. Паровозики были искусно вырезаны и раскрашены, каждый вагончик отличался по форме и оттенку. Тот, кто их делал, явно вкладывал душу в свою работу.

Возможно, это был его отец. Да, на это способен только отец. Я проверил, как поезд двигается на небольшом участке деревянной колеи. Чух-чух-чух. Конору понравится. Я сделал еще глоток. Вдруг мне пришло на ум, что я получил этот дом в наследство только потому, что брат Иды утонул. Воистину, несчастья одного человека приносят удачу кому-то другому, вот уж точно.

* * *

Нужно будет перезвонить матери. Придумать какие-нибудь расплывчатые, туманные извинения. Выудить как-то у нее еще денег. Надавить на чувство вины, что не удосужилась познакомиться с собственным внуком. Это сработает.

Наши деньги на исходе, правда, Мерри об этом не знает. Я всегда говорю, что ее это не касается. Забавно, я всегда думал, что она унаследует от матери приличную сумму. Но оказалось, что хотя старик Джеральд был знающим и опытным хирургом, однако вовсе не таким проницательным инвестором. Он принимал необдуманные решения и нес серьезные финансовые потери. После его смерти Морин жила не по средствам; в результате не осталось ничего, кроме

огромной налоговой задолженности и кучи неоплаченных счетов от косметологов.

Я достал свой телефон. «Завтра?» – написал я.

«Да», – тотчас ответила Малин.

Как-то раз она спросила меня: «Ты любишь свою жену?»

«Да, конечно», – ответил я.

Она грустно кивнула и больше ничего не сказала.

Я последний раз глотнул из бутылки, прикрыл дверь сарая и пошел в дом.

Мерри

Сегодня утром пришло письмо от Фрэнк. Она сообщила дату вылета и номер рейса. Скоро встретимся, написала она. Неожиданно меня обдало волной ужаса, я словно заранее ужасно устала. Когда в жизни Фрэнк что-то идет не так, ей нужно как-то самоутвердиться, необходим повод для самоутверждения. Тогда она пытается указать мне на мои промахи и прегрешения. Она обожает подначивать меня.

Нет. Надо сосредоточиться на чем-то хорошем. Представляю себе ее лицо, когда она увидит дом. Когда будет держать на руках ребенка. Столкнется со всем тем, чего лишена в своей жизни.

Все будет именно так. Она потеряет свою самоуверенность.

А я приобрету.

Я записала дату и номер рейса. Потом удалила письмо и зашла на сайт, который посещала почти каждый день. Я наткнулась на него случайно. Это – анонимный

форум мам, но не тех, кто делится рецептами именинных пирогов и идеями, как сшить костюмы на Хэллоуин.

Я ничего там не пишу, но все прочитываю.

Вэл из Коннектикута специально разбрасывает пуговицы на ковре в надежде, что ее малютка-дочь проглотит одну из них и поперхнется. Каждый день эта мамочка подкидывает по пуговице, так что в конечном счете все в руках провидения.

А одна мамаша из Лидса каждое утро обрывает телефоны служб доверия, чтобы набраться мужества сдать своих близнецов, которых она терпеть не может.

Лживые женщины, которые играют в материнство.

Из студии вышел Сэм, и я тут же закрыла страничку. Он встал позади меня, сдавил мне плечи и поцеловал в макушку.

– Кто такой Кристофер? – спросил он, увидев всплывшее на экране письмо.

– Просто старый заказчик, – ответила я, – наверное, не знает, что я уехала из Штатов.

– Тебе следует сообщить ему об этом, – сказал Сэм и ушел.

Я прочитала письмо и удалила его. Неожиданно я почувствовала непреодолимое желание выйти из дому. Натянула костюм для бега и отправилась искать Сэма.

– Я пойду погуляю, – сообщила я ему.

Он удивился, но обрадовался.

– Прекрасно, – сказал он. – Мне присмотреть за Коном?

– О нет, – сказала я, – мне хочется провести это время с сыночком. Только он и я.

Как ни странно, эта ложь легко слетала с языка, а правда была надежно заперта в душе.

– Какая же ты замечательная мамочка! – воскликнул Сэм.

– Я стараюсь, – кивнула я.

Да, да, я из кожи вон лезу! Мне нужно быть такой, иначе зачем я терзаю себя, ощущаю себя актрисой, которая вынуждена играть на сцене дни и ночи напролет. В глаза бьет резкий свет, грим течет, тело затянуто во взятое напрокат нелепое платье, которое совсем мне не идет. Один и тот же спектакль – снова и снова выходишь на сцену с левой стороны, читаешь отрепетированные строки. Глядишь в толпу, рассматриваешь и изучаешь лица, надеешься услышать аплодисменты, в которых отчаянно нуждаешься. Или хотя бы один-единственный хлопок. Я вижу тебя. Ты существуешь.

* * *

Я посадила ребенка в прогулочную коляску и закрыла за собой дверь. Мы направились по дорожке к озеру, затем повернули налево, перешли пыльную дорогу и пошли по лесным тропинкам. Поднялись по ближайшему довольно крутому холму и оказались на лесной поляне, откуда открывался вид на южный берег озера.

В последние месяцы беременности я иногда просыпалась по ночам и обнаруживала себя здесь. В полутьме проходила по дому к двери, потом – через сад к калитке, взбиралась по холму и оказывалась на этой поляне. Весь путь я проделывала в состоянии транса, в который входила по непонятной причине. Я до крови сдирала ноги о щебень и камни, морщилась, вздрагивала и плакала от боли. Я с трудом носила это бремя зародившейся во мне новой жизни. Неуклюжая, неповоротливая, тяжелая, я пробиралась через темный лес, натыкаясь на деревья и ветки. Ночной лес был полон каких-то шумов и шорохов, но ничто меня так не пугало, как то, что находилось внутри меня. По утрам Сэм обнаруживал тонкий кровавый след, ведущий от входной двери к моей стороне кровати. Ночь проходила, и Одетта снова превращалась в заколдованного лебедя. Каким образом я попадала туда и как умудрялась добраться обратно? Я до сих пор не могу понять.

Я наслаждалась прохладой и тишиной леса. Вокруг не было ни души, только деревья, слышался лишь писк и жужжание деловитых насекомых. Неподалеку стояла заколоченная хижина, окна которой были закрыты ставнями и забиты крест-накрест досками. Пряничный домик, подумала я. Возможно, там обитает ведьма-людоедка.

Я взглянула на коляску. Ребенок крепко спал. В теплых радужных лучах солнца он выглядел как ангелочек, сошедший с картин великих мастеров эпохи Возрождения. Я коснулась его носика. Он пошевелился, но не проснулся. Я стала рассматривать коляску. Вспомнила, как продавец в Стокгольме уверял, что она имеет пневмоподвеску, разработанную по последнему слову техники, прочные передние колеса и пневматические шины. На ручке коляски была надпись «Горный вездеход». Значит, подходит для этого рельефа.

Я вдохнула свежий теплый утренний воздух. Вытянула руки, словно желая получить божественное благословение. И побежала. Набирая скорость, я удалялась все дальше и дальше от ребенка в лес. Мимо меня мелькали высокие сосны, древние и равнодушные. Под ногами хрустели опавшая листва, трава и густой лишайник. Меня окружал мир дикой живой природы.

Я не оглядывалась назад. Бежала, словно спасала свою жизнь. Остановилась, только когда почувствовала, что сердце и легкие больше не выдерживают такой жестокой нагрузки. На мгновение промелькнула мысль, что ребенок там совсем один, в лесу, без присмотра. Но, конечно, нам с ним это все пойдет только на пользу. Физическая нагрузка, свежий лесной воздух. Я продолжила бег. Пот лился с меня ручьями, но я не останавливалась. «Я, наверное, никогда не остановлюсь», – подумала я. Представила, что буду бежать все дальше и дальше на север, в Уппсалу, затем в Евле и Сундсвалль. И еще дальше – в Кируну, самый северный город Швеции, оттуда через Финляндию в деревню Кильписъярви, потом в Норвегию – в Алту и на огромный мыс Нордкап. Я рассматривала карту. Там только небо, вода и лед. Должно быть, на той холодной и пустынной земле чувствуешь себя первым человеком на Земле. Или последним.

Сколько же было совершено путешествий на север, полярных экспедиций! Люди устремлялись в никуда, в какой-то белоснежный мир, пытаясь отыскать неизвестные места и земли и назвать их по своему усмотрению. Или, возможно, они просто искали новый мир.

Я бежала и бежала, изредка спотыкаясь на неровной земле незнакомой мне местности, о камни, корни и пни срубленных деревьев. Бежала, пока не остановилось дыхание, а ноги не подкосились и больше не могли нести меня. Я рухнула на землю и стала жадно вдыхать воздух, наполняя свои готовые разорваться легкие. Я глотала его как воду. Еще, еще. Сердце бешено колотилось, и казалось, оно вот-вот выпрыгнет из моей хрупкой грудной клетки. Я накрыла его рукой, но оно никак не могло успокоиться. Ощутила приближение смерти. Или, может быть, наоборот, почувствовала, что все еще жива.

Я лежала на спине, на опавшей листве, под которой копошились и хлопотали миллионы микроскопических живых существ. Подняла пустую раковину, сброшенную улиткой, и раздавила в руке. Острые осколки больно впились в пальцы. Дыхание постепенно выравнивалось, замедлялось.

Но сердце продолжало сильно биться от ощущения свободы. Здесь я была никем и одновременно всем, набором клеток и атомов, как любое живое существо, которое дышит и существует на этой земле. Я наслаждалась тишиной и спокойствием, чувствуя запах непрерывной и нескончаемой жизни. Я сделала глубокий вздох, чтобы украсть хотя бы кусочек ее.

Не знаю, как долго я там лежала.

Перед тем как возвратиться с ребенком домой, я остановилась и сделала фотографию на телефон, заинтересовавшись игрой света и цвета. Возможно, отправлю ее когда-нибудь Фрэнк. Пусть будет про запас.

– Правда, было здорово? – сказала я проснувшемуся ребенку. – У нас с тобой было веселое приключение.

Он одарил меня улыбкой, и я сразу успокоилась. Его щечки порозовели, волосы спутались. Надо все-таки убедиться, что в лесу безопасно и в нем нет никаких диких животных. Хотя не думаю, что они водятся в этих краях.

– Ну как, прогулка мамы и сыночка удалась? – спросил Сэм, когда мы вошли в дом.

Я улыбнулась, чувствуя себя абсолютно счастливой.

– Это именно то, что нам было нужно, – ответила я.

Мерри

У нас сегодня была гостья. Сэм улетел в Осло вчера поздно вечером. Перед тем как выйти из дому, он на минуту задержался у двери. Новый блейзер застегнут на все пуговицы, на ногах ослепительно-белые кроссовки. Думаю, что он изо всех сил старается ассимилироваться в этой стране.

– Прости, – сказал он, – знаю, что много разъезжаю и оставляю тебя одну надолго, и, вероятно, слишком надолго.

Он извинился, но это так не похоже на него. Я была застигнута врасплох и сразу не нашлась что сказать.

– Все в порядке, – наконец ответила я, – это же временно, пока ты не устроишься, правда? Ты делаешь это ради всех нас, я понимаю.

Казалось, он хотел что-то добавить, но только целомудренно поцеловал меня в щеку, что тоже было странно.

Ночью я крепко спала, одна в огромной кровати. Проснувшись, потянулась и перекатилась на сторону Сэма. Там было высохшее пятнышко, свидетельствующее о наших репродуктивных усилиях. Не уверена, что долго смогу продержаться. В конце концов у него закончится терпение и он отправит меня к врачам, чтобы выяснить все мои изъяны и недостатки.

– В прошлый раз все получилось гораздо быстрее, – однажды сказал он.

– В разное время это происходит по-разному, – заверила его я.

Ночью я видела Фрэнк во сне, или, возможно, это был обрывок воспоминаний. Мы обе находились в доме моего детства, этой холодной башне из стекла и мрамора. В моей комнате стоял шкаф, в котором хранилась коллекция фарфоровых кукол. Они были очень красивыми, изысканными, хрупкими, и,

конечно, маленькой девочке так хотелось коснуться их, подержать в руках, но они оставались под замком, стоя неподвижно за стеклом.

«Они не предназначены для игры, – объясняла мать. – Эти куклы – особенные, на них можно только смотреть. Если ты будешь с ними играть, то обязательно разобьешь».

Зачем было украшать мою детскую этими неподвижными фигурами? Я так и не смогла понять.

В моем сне Фрэнк сидела возле открытого шкафа, а на коленях у нее лежала одна из этих кукол – моя любимая, с черными волосами, ярко-красными губами, одетая в прозрачное голубое платье. На ее кукольной ручке был жемчужный браслет, а на беспалых фарфоровых ножках – туфельки, которые можно было снимать.

– Зачем ты взяла ее, Фрэнк? – крикнула я.

Я попыталась отобрать у нее куклу, ведь она принадлежала мне. Это было несправедливо, и я заплакала.

В комнату вбежала Кэрол и отобрала у нас куклу:

– Значит, так, либо вы учитесь делиться игрушками, либо вообще ими не играете.

Платье Кэрол было все в крови, которая вытекала из ее тела, оставляя след на белом ковре. В конце концов женские проблемы подорвали ее здоровье и она умерла.

Кэрол, Кэрол. Наверное, я плакала во сне.

Утром я зашла в детскую. Ребенок лежал на спине с открытыми глазами. Он не мигая смотрел на меня. Я задумалась над тем, что он видит и какие секреты он когда-нибудь выдаст.

Я надела костюм для бега и усадила малыша в коляску.

Теперь мы совершаем эти прогулки каждый день. Я их обожаю. Я чувствую острую необходимость на короткое время скрыться в лесу.

Когда мы вернулись, я вытащила ребенка из коляски. Подгузник насквозь промок, и его требовалось поменять. Я положила Конора на кровать, вышла и закрыла за собой дверь. Затем села на диван, чтобы посмотреть свои любимые шоу. Сегодня был день стирки, но я хотела насладиться одиночеством в пустом доме, пока была такая возможность. Должно быть, я провела целых четыре часа перед экраном, следя за такими же домохозяйками из Майами, как и я, но вымышленными.

В какой-то момент я оторвалась от экрана и посмотрела в сторону. У окна стояла Эльза, неистово размахивая руками, чтобы привлечь мое внимание.

Я подошла к двери и натянула на лицо улыбку.

– Эльза, какой приятный сюрприз! – воскликнула я.

Она выглядела встревоженной и хмурилась.

– Извини, что зашла без приглашения, – сказала она. – Просто хотела убедиться, что у вас тут все в порядке.

И только тогда я услышала громкий плач, даже не плач, а страдальческий вой.

Наверное, я покраснела.

– Ой, извини. Мне так жаль, что он побеспокоил вас, Эльза.

– Нет, нет, – смущенно сказала она, – я не поэтому пришла. Просто он так сильно плачет и так долго.

Она мельком взглянула на наушники в моей руке.

– Прости, – быстро проговорила она, – конечно, это не мое дело.

– Ну что ты, Эльза, – произнесла я. – Спасибо, что заглянула. Ты так добра. Просто… Просто мы немного экспериментируем. Пытаюсь перевести ребенка на новый режим и приучить его засыпать самостоятельно, – сказала я. – Надеюсь, что это пойдет ему на пользу и он скоро привыкнет.

Она взглянула на меня и выдавила из себя улыбку.

– Да, – произнесла она, – конечно.

– Может, останешься на кофе? – предложила я. – Я сейчас сварю. У меня есть и печенье. Только вчера испекла. Овсяные хлопья, изюм и никакого сахара.

Ребенок продолжал пронзительно вопить. От этого крика Эльза вздрагивала и морщилась.

– Уверена, что Фрея так сильно не кричала в младенчестве, – произнесла я. – Должно быть, она была сущим ангелочком.

– Не знаю, – покачала головой Эльза, – она не моя дочь.

– Извини, – сказала я. – Я не думала.

– Фрея – дочь Карла от первого брака.

– Я не знала.

– Мы уже много лет пытаемся завести собственного ребенка, – призналась она. – У меня было девять выкидышей.

– О, как жаль, – сказала я. – Уверена, что в конце концов у вас все получится.

Она покачала головой:

– Карл считает, что со мной что-то не так.

Конор все еще орал.

– Тебе все же следует пойти к нему, – посоветовала Эльза. – Не провожай меня.

– Спасибо, – поблагодарила я, кивая, а она пошла через наш сад к своему дому.

Со стены гостиной на меня с молчаливым упреком смотрели пустые глазницы масок.

В спальне я обнаружила ребенка на полу, а не на кровати, где я его оставила.

– О боже, мой малыш, – запричитала я, поднимая его, целуя и убаюкивая на руках, – мамочка виновата, но мамочка не хотела этого.

Я прижимала его к себе, гладила, но он верещал все громче и громче. Он держал свою ручку под неестественным углом. Я дотронулась до нее, и он тут же издал истошный крик. Меня охватила паника, сердце лихорадочно забилось. Вероятно, перелом. Я дала ему лекарство, чтобы успокоить его, и осторожно держала на своих руках.

– Мамочка здесь, – сказала я, – мамочка держит тебя.

У меня тряслись руки. Мне хотелось разрыдаться, исчезнуть, превратиться в пыль.

Пришло время обеда. Я терпеливо кормила его, подбрасывала в воздух бумажные самолетики, чтобы его развлечь, но он не смеялся. Потом я аккуратно посадила его к себе на колени и стала читать ему книжку.

– А кто прячется в этом сарае?

– А кто прячется под одеялом?

– А кто сидит в гнезде?

Он нерешительно тыкал пальцами в страницы. Без особого энтузиазма нашел лошадку, котенка и синичку. Его глаза все еще были красными от недавних слез. Я прижала его к себе и поцеловала в теплую макушку.

Чтобы проверить состояние его руки, я дала ему подержать книжку «Медведь и печенье». Он поморщился, но не вскрикнул. У меня от души отлегло.

Когда надо было уложить ребенка спать, я укачала его на руках, нежно прижимая к своей груди. Я ощущала биение его сердца, слышала его тихое дыхание.

Мне хотелось вечно держать его на своих руках.

Сэм

Я стоял напротив Малин и наблюдал за ее изящными движениями, ее тяжелой грудью и длинными гладкими ногами. Она старше Мерри, но она великолепна. В молодости, должно быть, была настоящей красавицей, и любой мужчина был бы счастлив с ней переспать. Она до сих пор как магнит притягивает к себе противоположный пол.

Не могу отвести от нее глаз.

Она расспрашивала меня о Колумбийском университете и моей работе в качестве профессора антропологии.

– Наверное, ты скучаешь по той жизни, – сказала она.

– Нет.

– Но ты так долго строил свою карьеру, проводил исследования, писал статьи, участвовал в конференциях. Ты потратил столько лет на науку.

Я сложил на груди руки:

– Нет.

– И ты не жалеешь, что все это осталось в прошлом?

– Послушай, – сказал я, начиная раздражаться. – Это уже произошло. Мне не повезло, что одна маленькая сучка захотела разрушить мою карьеру. Все на факультете не могли дождаться, когда найдется повод для моего увольнения. Я был слишком хорош для них и представлял угрозу их собственным ничтожным карьерам. Знаешь, научное сообщество очень жестоко.

– Но она же была твоей студенткой, а не коллегой. Это было неприлично.

– О боже, Малин, – сказал я, – все не без греха. Но именно меня решили наказать в назидание другим. Вот и все. Меня просто использовали в качестве козла отпущения.

Она сделала глоток воды и взбила волосы длинными изящными пальцами. Все здесь пропиталось ее запахом, она ко всему приложила руки.

На видном месте находилась фотография, на которой она сидела с седым мужчиной на фоне пламенеющего заката, окрасившего небо в розовый цвет.

– Это твой муж? – однажды спросил я, но она не ответила.

Малин посмотрела на меня и склонила голову.

– Извини, Сэм, – сказала она. – Я не собираюсь совать свой нос в чужие дела.

Я подался вперед.

– Тогда, может быть, сменим тему, – предложил я и подмигнул ей.

Пока добирался домой, позвонила мать.

– Я перевела деньги, сын.

– Хорошо, – ответил я.

– Мог бы и поблагодарить, – с упреком сказала она.

– Нет, мама, – сказал я, – мне не за что благодарить тебя в этой жизни.

Мерри

Осталось всего несколько дней до приезда Фрэнк.

В гостевой спальне я поставила на комод вазу с сиренью, повесила с десяток плечиков в гардероб. Аккуратно заправила кровать и взбила подушки.

Все еще не могу разобраться, что я на самом деле чувствую – тревогу или радостное волнение, восторг или страх. Может, я вообще ничего не чувствую?

Многое еще предстояло сделать. Я взяла машину и отправилась в Стокгольм за покупками. Сэм остался дома, ему необходимо было подготовиться к важной встрече.

– Тебе придется взять с собой Кона, – сказал он. – У меня слишком много работы.

Перед тем как уехать, я немного постояла перед домом, глядя на него и представляя, как Фрэнк впервые увидит его. Он должен произвести впечатление. Иначе и быть не может. Он действительно красивый. Атрибут успеха. В конце концов, он – большая жирная галочка, которую я поставила в списке того, чего должна добиться в своей жизни. И он – мой. Я улыбнулась. Ребенок лежал на моих руках. Я поцеловала его, вложила его ручку в свою, ощутив его маленькие пальчики в своей ладони.

– Все хорошо, – сказала я, – мамочка любит тебя.

* * *

В Стокгольме мы наматывали круги по ставшим мне уже почти знакомым улицам, заходили в магазины и вычеркивали предмет за предметом из моего

списка. Новая медная настольная лампа из магазина дизайнерских финских товаров, лавка в индустриальном стиле, которая будет служить столом для закусок. Новые простыни из египетского хлопка нежного папоротникового оттенка, яркое, сотканное вручную, покрывало с традиционным норвежским узором неопределенного цвета. Я представила себе, как все это будет смотреться вместе. Изысканная гостевая комната для изысканной гостьи. Я умею создавать красивый интерьер, хотя моя карьера дизайнера в Нью-Йорке закончилась уже очень давно.

Я вспомнила, как моя работа приводила Сэма в замешательство. Но он все-таки добился своего. В первые месяцы нашего бурного романа он не раз говорил мне, что видит во мне мать своих будущих детей. Я смеялась в ответ. Однако он точно знал, что ему нужно и как этого добиться.

Перед тем как заняться дизайном интерьеров, я пробовала свои силы в разных профессиях. В большинстве случаев терпела неудачу. Декоратором стала по чистой случайности. Просто встречалась с мужчиной, который работал с декорациями, и однажды ему понадобился помощник.

– Из тебя выйдет толк, – сказал режиссер.

Он нанял меня на свой новый проект, с которого все и началось. Я выстраивала фантастические миры, собирая их по кусочку. Получала истинное наслаждение от каждого заказа, когда создавала что-то из ничего. Я закрывала глаза и представляла, каким будет новый мир, потом открывала их и начинала претворять свои идеи в жизнь. Конечно, я не делала головокружительной карьеры и не зарабатывала кучу денег, но мне нравилось то, чем я занималась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/saks_mishel/ty-sozdana-dlya-etogo

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить